

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES

ЭМИЛИ СЕНТ-ДЖОН
МАНДЕЛ

СТАНЦИЯ
ОДИННАДЦАТЬ

СМОТРИТЕ НА
more.tv

ПРЕМИЯ АРТУРА КЛАРКА

Universum. Грани будущего

Эмили Мандел
Станция Одиннадцать

«ЭКСМО»

2014

УДК 821.111-312.9(71)

ББК 84(7Кан)-44

Мандел Э. С.

Станция Одиннадцать / Э. С. Мандел — «Эксмо»,
2014 — (Universum. Грани будущего)

ISBN 978-5-699-97987-5

Кирстен Реймонд никогда не забудет последнее выступление Артура Линдера, известнейшего голливудского актера, умершего прямо на сцене во время постановки «Короля Лира». Через пару недель эпидемия смертельного грузинского гриппа опустошит и разрушит цивилизацию... Спустя двадцать лет Кирстен вместе с маленькой театральной труппой «Дорожная симфония» бродит между поселениями выживших и пытается сохранить останки культуры. Но после прибытия в городок Сент-Дебора, обитель опасного самопровозглашенного пророка, жизнь актеров оказывается под угрозой. Жуткая и одновременно лиричная, «Станция Одиннадцать» рассказывает историю об отношениях, поддерживающих нас, об эфемерном характере славы и о красоте мира, который мы знаем. Впервые на русском языке! Больше интересных фактов об этой книге читайте в ЛитРес: Журнале

УДК 821.111-312.9(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-699-97987-5

© Мандел Э. С., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Часть первая	6
Часть вторая	21
Часть третья	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Эмили Сент-Джон Мандел

Станция Одиннадцать

Emily St. John Mandel

Station Eleven

Copyright © Emily St. John Mandel, 2014

This edition published by arrangement with Curtis Brown and Synopsis Literary Agency

© К. Гусакова, перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Памяти Эмили Джейкобсон

*Теплый ветерок в пальмовых ветвях, а я думаю о
снеге
В дальнем краю, где бывало всякое,
Что связано с другой, невероятной жизнью.
Светлая сторона планеты движется во тьму,
И каждый город заснет в должный час,
А для меня, как и прежде, это слишком.
Слишком много этого мира.*

Чеслав Милош, «Отдельные записи»

Часть первая Театр

1

В луче голубоватого света стоял король. Шел четвертый акт «Короля Лира» в театре Элгин в Торонто. В начале, пока зрители только собирались, на сцене играли, хлопая в ладоши, три девочки – дочери Лира в детстве. Сейчас они появились вновь, изображая видения сумасшедшего короля. Лир тянул к ним руки, но девочки пробежали мимо, то и дело скрываясь в тенях. Актера звали Артур Линдер. Ему был пятьдесят один год; на его голове лежал цветочный венок.

– ...меня узнали?¹ – спросил Глостер.

– Я довольно хорошо помню твои глаза, – отозвался Артур, отвлекшись на маленькую Корделию... И тут все случилось.

Он пошатнулся, изменившись в лице, и хотел было коснуться колонны, но не рассчитал расстояние и ударился о нее ладонью.

– Что ниже пояса у них – Кентавр... – едва слышно прохрипел Артур неверную строку и прижал ушибленную руку к груди, словно раненую птицу.

Мужчина в первом ряду поднялся с места; он учился на парамедика. Девушка этого мужчины потянула его за руку и прошипела:

– Дживан! Ты что творишь?!

Дживан и сам не понимал. Зрители за его спиной забормотали, чтобы он сел. К нему поспешил работник театра. С потолка над сценой начал сыпаться искусственный снег.

– И королек, и золотая мушка... – прошептал Артур. Дживан, отлично знавший пьесу, понял, что тот перескочил на двенадцать строк назад. – И королек...

– Сэр, – начал работник театра, – не могли бы вы...

Артуру Линдеру оставались считанные минуты. Он покачнулся, не видя ничего, и Дживан сразу понял: Артур уже не играет Лира. Дживан оттолкнул работника театра и бросился к ступенькам, ведущим на сцену. По проходу бежал второй билетер, и Дживану пришлось лезть вверх безо всяких ступенек, хоть сцена и оказалась выше, чем он ожидал. В рукав вцепился работник театра; Дживан его отшвырнул. А снег пластиковый, отстраненно заметил он. Прозрачные кусочки липли к пиджаку и задевали кожу. Эдгар и Глостер отвлеклись на поднимающуюся суматоху и не смотрели в сторону Артура, который припал к фанерной колонне и неподвижно глядел перед собой. За кулисами кто-то кричал; к сцене поспешно приближались две тени. Дживан успел подхватить потерявшего сознание актера и бережно опустил его на пол. Артур не дышал. Две тени – охранники – замерли в нескольких шагах, осознав, что Дживан – отнюдь не обезумевший поклонник. Зрители шумели. В темноте мелькали вспышки телефонных фотокамер, раздавались возгласы.

– Господи Иисусе, – охнул Эдгар. – Боже...

Британский акцент исчез, и теперь он говорил как типичный житель Алабамы, откуда и был родом. Глостер стянул марлевую повязку, что закрывала половину его лица – к этому моменту персонаж уже лишился глаз – и оцепенел, безмолвно открывая и закрывая рот, словно рыба.

¹ Здесь и далее «Король Лир» в пер. Б. Пастернака.

У Артура не билось сердце. Дживан начал искусственное дыхание и непрямой массаж. По чьей-то команде опустился занавес – зашуршавшая ткань отрезала зал и приглушила свет на сцене. Пластиковый снег все продолжал падать. Охранники исчезли. Бело-голубую снежную выю прорезал яркий свет флуоресцентных ламп. Дживан молча работал, временами поглядывая на лицо Артура. Пожалуйста, думал Дживан, ну давай. Глаза Артура оставались закрытыми. Ткань дернулась, пропуская кого-то на эту сторону, и рядом с Артуром на колени опустился мужчина в сером костюме.

– Я кардиолог. Уолтер Джейкоби.

Стекла очков зрительно увеличивали его глаза; на макушке назревала лысина.

– Дживан Чоудхари.

Он не знал, сколько уже там пробыл. Рядом сновали люди, но все казались смутными, далекими – все, кроме Артура и подошедшего мужчины. Словно бушует ураган, думал Дживан, а вокруг нас затишье.

Уолтер бережно коснулся лба актера, будто родитель, успокаивающий горячечного ребенка.

– Вызвали «скорую», – сообщил он.

Опущенный занавес создал на сцене неожиданно интимную атмосферу. Дживан вспоминал, как давным-давно в Лос-Анджелесе брал у Артура интервью, когда работал журналистом. Мелькали мысли и о Лауре – ждет ли она на своем месте в первом ряду или вышла в холл? Пожалуйста, дыши, пожалуйста, умолял Дживан и думал о том, как занавес стал четвертой стеной и сцена из пространства, заполненного переходами и светом, где любой может проскользнуть незаметно, превратилась в обычную комнату, пусть и огромную. Какая глупая мысль, вдруг одернул себя Дживан, не будь идиотом. В основании шеи закололо от внезапного ощущения, что за ним наблюдают.

– Вас сменить? – спросил Уолтер.

Осознав, что кардиологу неловко от собственного бездействия, Дживан кивнул и убрал руки с груди Артура. Уолтер продолжил делать массаж сердца.

Нет, не совсем комната, размышлял Дживан, осматриваясь. Слишком много переходов, темных пятен между кулисами, не видно потолка. Скорее, вокзал или аэропорт, где точно так же туда-сюда снуют люди. Прибыла «скорая» – сквозь ни к месту падающий снег приближалась пара врачей в темной форменной одежде – мужчина и женщина, похожая на подростка. Они оттеснили Дживана и, словно два ворона, склонились над лежащим актером. Поднявшись, Дживан отступил назад. Колонна, о которую ударился Артур, была гладкой на ощупь – дерево, полированное и окрашенное под камень.

Кругом толпились люди – рабочие сцены, актеры, безмянные служащие с папками-планшетами.

– Господи, – расслышал Дживан, – да остановит кто-нибудь этот чертов снег?

У занавеса, держась за руки, плакали Регана и Корделия. Эдгар сидел неподалеку, скрестив ноги и прижав ладонь ко рту. Гонерилья тихо говорила по мобильному; накладные ресницы отбрасывали на лицо тени.

На Дживана никто не смотрел – наверное, его роль в этом представлении подошла к концу. Врачи, судя по всему, тоже оказались бессильны. Дживан захотел найти Лауру. Скорее всего, она, расстроенная, ждет его в фойе; возможно – только возможно – она восхищена поступком Дживана.

Снег наконец остановился – вниз упали последние пластиковые «снежинки». Дживан начал искать ближайший выход со сцены, когда услышал всхлипы – слева, у соседней колонны, плакала девочка, которую он заметил ранее, маленькая актриса. Дживан видел пьесу уже четырежды, но в постановках никогда не участвовали дети, поэтому сегодня этот ход показался ему

весьма оригинальным. Девочке было лет семь-восемь. Она постоянно вытирала глаза, смазывая макияж тыльной стороной ладони.

– Разряд, – произнес медик, проводя дефибрилляцию. Его коллега отошел.

– Здравствуй, – обратился Дживан к девочке и присел рядом.

Она не сводила с медиков глаз. Почему ее никто не увел?.. Дживану не приходилось иметь дела с детьми, хотя подумывал уже и о собственных, и не знал, как с ними разговаривать.

– Разряд, – повторил медик.

– Не надо туда смотреть, – сказал Дживан.

– Он умрет? – всхлипнула девочка, почти задыхаясь от рыданий.

– Не знаю.

Артур лежал без движения даже после двух разрядов. Уолтер сжимал его запястье и мрачно смотрел куда-то вперед, пытаясь нащупать пульс.

– Как тебя зовут?

– Кирстен, – ответила девочка. – Кирстен Реймонд.

Сценический макияж на ее личике смотрелся странно.

– Кирстен, а где твоя мама?

– Она забирает меня только в одиннадцать.

– Объявляем время, – произнес медик.

– А кто же тогда за тобой присматривает?

– Пастушка Таня.

Девочка по-прежнему смотрела на Артура. Дживан сдвинулся, загородив его спиной.

– Двадцать один час четырнадцать минут, – проговорил Уолтер Джейкоби.

– Пастушка? – переспросил Дживан.

– Ее так называют, – ответила Кирстен. – Она за мной следит.

Справа подошел мужчина в костюме и что-то быстро сказал медикам, которые укладывали Артура на каталку. Один пожал плечами и откинул ткань с лица Артура, чтобы надеть кислородную маску. Притворство ради семьи актера, сообразил Дживан, иначе они узнают о смерти Артура из вечерних новостей. Трогательно.

Дживан поднялся на ноги и протянул руку хлюпающей носом девочке.

– Пойдем, поищем Таню. Она, наверное, сама тебя высматривает.

Что, конечно, вряд ли – Таня уже нашла бы свою подопечную. Дживан повел девочку за кулисы. Мужчина в костюме исчез. Кругом царил хаос – все сновали туда-сюда, шумели. Раздавались громкие просьбы пропустить каталку. Уолтер держался у изголовья. Процессия прошла по коридору к служебному выходу, и всеобщий шум только усилился. Люди плакали, звонили по телефону, сбивались в группки и раз за разом пересказывали друг другу случившееся («Значит, поворачиваюсь я, а он уже падает...»); одни отдавали распоряжения, другие не обращали на них внимания.

– Сколько же тут людей, – произнес Дживан. Он не очень любил толпу. – Видишь Таню?

– Нет, не вижу.

– Тогда лучше останемся на месте, она сама нас найдет.

Такой совет давала брошюра о том, что делать, если заблудишься в лесу. Дживан уселся на один из стульев у стены. Оттуда он видел неокрашенную заднюю часть фанерных декораций. Рабочий подметал искусственный снег.

– А с Артуром все будет хорошо? – Кирстен забралась на соседний стул и стиснула в кулачках ткань платья.

– Буквально только что, – сказал Дживан, – он делал то, что любил больше всего на свете.

Такой вывод Дживан сделал из интервью, которое прочитал месяц назад. Артур беседовал с газетой «Глоб энд мэйл»: «Всю жизнь ждал, когда достаточно состарюсь для роли Лира.

Для меня нет ничего любимей игры на сцене, ощущения, что все происходит здесь и сейчас...»
Странные слова. Артур, как правило, играл в кино, а кто в Голливуде жаждет постареть?

Кирстен молчала.

– В том смысле, что раз уж эта роль стала его самым последним делом, – проговорил Дживан, – то в этот момент он был счастлив.

– А это стало его последним делом?

– Думаю, да. Мне жаль.

Снег успели смести в небольшую сверкающую кучку.

– Я тоже больше всего на свете это люблю, – через некоторое время сказала Кирстен.

– Что любишь?

– Играть на сцене, – пояснила она.

Из толпы вдруг вынырнула заплаканная девушка и протянула к малышке руки. На Дживана девушка даже не посмотрела. Кирстен же, прежде чем уйти, оглянулась.

Дживан вернулся к сцене. Его никто не останавливал. Он почти ожидал увидеть Лауру в центре первого ряда – а сколько вообще прошло времени?.. – но зрителей уже не было. Уборщики подметали полы и собирали оброненные программки. На спинке кресла висел забытый шарф. Дживан покинул зал, стараясь ни с кем не встречаться взглядом. Он набрал номер Лауры. Тщетно. Она выключила телефон на время представления и, очевидно, до сих пор не включила.

– Лаура, – обратился Дживан к голосовой почте, – я в фойе. Ты где?

Задержавшись у дверей женского туалета, он выяснил у работницы театра, что там пусто. Затем еще раз обошел фойе и направился к гардеробу. На крючках оставалось совсем немного одежды, в том числе полупальто Дживана. А вот синее пальто Лауры уже пропало.

На Янг-стрит опускался снег. Дживан вздрогнул, когда увидел его – эдакий отголосок прозрачных кусочков пластика, которые до сих пор поблескивали на пиджаке. У служебного входа дежурило с полдюжины папарацци. Артур уже не так интересовал публику, как раньше, но за его фото все равно можно было выручить денег. Особенно теперь – он ввязался в эпический бракоразводный процесс то ли с моделью, то ли актрисой, которая изменила ему с режиссером.

До недавнего времени Дживан и сам работал папарацци. Он надеялся тайком проскользнуть мимо, однако эти люди с профессиональным чутьем замечали подобные уловки и тут же его обступили.

– Неплохо выглядишь, – обратился один. – Модное пальтишко.

Дживан был одет в двубортное полупальто – не такое уж теплое, зато отличающее его, как и планировалось, от бывших коллег, которые предпочитали дутые куртки и джинсы.

– Где пропадаешь?

– Работаю барменом, – ответил Дживан. – Учусь на парамедика.

– Серьезно? Хочешь за гроши с тротуаров пьяниц соскрести?

– Я хочу делать что-нибудь важное.

– Ну, ясно. Ты внутри был, да? Что там случилось?

Некоторые папарацци кому-то звонили.

– Говорю тебе, он умер, – раздалось рядом. – Снег, конечно, мешает, но посмотри, что я отправил, там лицо на снимке, где его грузят в «скорую»...

– Не знаю, – произнес Дживан. – В середине четвертого акта опустился занавес, и все.

Он соврал отчасти потому, что не хотел ни с кем разговаривать. Наверное, кроме Лауры. И отчасти потому, что не желал разговаривать именно с этими людьми.

– Вы видели, как его увезла «скорая»?

– Выкатили из этого выхода, – отозвался фотограф, который то и дело нервно затягивался сигаретой. – Медики, «скорая», все дела.

– Как он выглядел?

– Честно? Как чертов труп.

– Ботокса надо меньше колоть, – фыркнул другой папарацци.

– Официальное заявление было? – спросил Дживан.

– К нам вышел мужик в пиджаке. Истощение и – что бы вы думали? – обезвоживание. – Несколько человек рассмеялись. – Стандартная отговорка.

– Пора открыть им эту тайну, – заговорил фотограф, упомянувший ботокс. – Пусть бы хоть кто-то уже решился отвести в сторонку одного-другого актера и сказать, мол, слушай, дружище, передай остальным: пейте больше водички и периодически ложитесь спать, ага?

– Увы, я видел еще меньше вашего, – произнес Дживан.

Затем он сделал вид, будто ему звонят, и зашагал по Янг-стрит, прижимая телефон к уху. Через полквартиры Дживан остановился под козырьком какой-то двери, чтобы снова набрать Лауру. Ее телефон был до сих пор выключен.

Дживан мог бы поймать такси и оказаться дома уже через полчаса, но ему нравилось прогуливаться на свежем воздухе, подальше от людей. Он вдруг ощутил себя странно, почти преступно живым. Какая несправедливость – его сердце продолжает уверенно биться, а Артур лежит где-то там, бездыханный и холодный... Дживан шел на север по Янг-стрит, сунув руки в карманы. Снег падал на лицо и покалывал кожу.

Дживан жил в районе Кеббеджтаун, северо-восточнее театра. В двадцатилетнем возрасте он отправился бы в такой путь, даже не задумываясь, – несколько миль пешком, пока мимо проплывают красные трамваи. Впрочем, он уже давно так не ходил и сомневался, стоит ли пытаться сейчас. Тем не менее, свернув направо, на Карлтон-стрит, он ощутил внезапный порыв и все же прошел мимо трамвайной остановки.

У парка Аллан, примерно в середине пути, Дживана охватила внезапная радость. Артур умер, напомнил он себе, ты не смог его спасти, чему здесь радоваться? Однако повод нашелся; Дживан был счастлив, потому что всю жизнь гадал, какую профессию выбрать, и теперь понял, совершенно ясно понял, что хочет работать в «Скорой помощи». В те моменты, когда остальные способны лишь смотреть, он готов сделать шаг вперед.

Накатило нелепое желание пробежаться по парку. Снегопад превратил его в незнакомое место, полное теней и черно-белых деревьев. Поблескивал стеклянный купол теплицы. В детстве Дживан любил лежать на спине во дворе и смотреть на падающий снег. В кармане завибрировал телефон. Дживан остановился и прочитал сообщение от Лауры: «Голова разболелась, ушла домой. Захватишь молока?»

Все, порыв сошел на нет. Билеты в театр должны были стать эдаким красивым жестом – в духе «давай добавим в жизнь немного романтики, ведь мы только и делаем, что ссоримся», – а Лаура оставила его одного. Он делал непрямой массаж сердца мертвому актеру, а она ушла домой и теперь просит купить молока. Стоя на месте, Дживан начал мерзнуть. Пальцы ног онемели от холода.

Волшебство метели исчезло. Счастье, испытанное мгновение назад, померкло. Снег падал бесшумно и быстро, скрывая под собой припаркованные у обочины машины. Дживан боялся, что наговорит лишнего, если вернется сейчас домой к Лауре. Он подумал о баре, но общаться ни с кем не хотелось, да и напиться тоже. Лучше просто побыть одному, пока он не решит, куда идти дальше. И Дживан шагнул в тишину парка.

2

В театре Элгин еще оставалось несколько человек. Двое в костюмерной – женщина чистила наряды, мужчина их гладил. Актриса, игравшая Корделию, пила текилу за кулисами с помощником режиссера. Молодой рабочий подметал сцену и кивал в такт музыке с айпода. В гримерной женщина, чьей обязанностью было следить за маленькими актрисами, пыталась утешить плачущую девочку, которая видела смерть Артура.

Шестеро человек переместились в бар, расположенный в фойе; бармен сжалился и тоже остался. Среди них был режиссер, Эдгар и Глостер, гример, Гонерилья, а также исполнительный продюсер. В то время как Дживан брел по парку сквозь метель, бармен наливал Гонерилье виски. Разговор зашел о том, как сообщить о случившемся родственникам Артура.

– Кто у него вообще был? – спросила сидящая на высоком стуле Гонерилья. Без грима лицо с покрасневшими глазами казалось мраморным – самым бледным и безупречным из тех, что когда-либо видел бармен. Вне сцены она выглядела куда ниже ростом, да и совсем не такой злой.

– Сын, – ответил гример. – Тайлер.

– Сколько ему?

– Семь или восемь? – Гример знал точный возраст, но не хотел признаваться, что читает светские журналы. – Наверное, живет с матерью в Израиле – в Иерусалиме или Тель-Авиве.

Он знал, что в Иерусалиме.

– А, точно, та светловолосая актриса, – сказал Эдгар. – Элизабет, да? Элиза? Что-то в этом роде.

– Бывшая жена номер три? – поинтересовался продюсер.

– Кажется, сына родила бывшая жена номер два.

– Бедный парнишка, – сказал продюсер. – А сейчас у Артура кто-нибудь был?

Воцарилось неловкое молчание. Артур крутил роман с женщиной, которая присматривала за маленькими актрисами. Об этом знали все присутствующие, кроме продюсера, хотя каждый и сомневался, что другой тоже в курсе. Ее имя произнес Глостер:

– Где Таня?

– Кто это? – спросил продюсер.

– Одну из девочек не забрали. Наверное, в гримерке. – На глазах у режиссера никогда никто не умирал. Ему хотелось курить.

– Ну, – снова заговорила Гонерилья, – так кто? Таня, маленький сын, бывшие жены... А еще? Братя-сестры, родители?

– Кто такая Таня? – настаивал продюсер.

– Сколько там этих жен? – Бармен натирал бокал.

– У него есть брат, – сказал гример, – не помню имени. Артур упоминал младшего брата.

– По-моему, три или четыре, – ответила Гонерилья о женах. – Три?

– Три. – Гример сморгнул слезы. – Не знаю, развелся ли он окончательно с последней.

– То есть Артур не женат... он не был женат? – Продюсер понимал, как нелепо прозвучал вопрос, но не мог подобрать других слов. Артур Линдер вошел в здание театра всего несколько часов назад, и невозможно было представить, что завтра он уже не придет снова.

– Три развода, – произнес Глостер. – Невероятно.

Он и сам недавно расстался с женой. Сейчас он пытался вспомнить, что последнее сказал ему Артур. Что-то про расстановку во втором акте?..

– Кому-нибудь уже сообщили? Кому нам звонить?

– Надо позвонить его юристу, – проговорил продюсер.

Бесспорная необходимость, да. Однако это настолько опечалило собравшихся, что некоторое время они пили молча.

– Юристу!.. – наконец выплюнул бармен. – Господи, вот так умрешь, а звонить будут юристу.

– Кто там еще? – спросила Гонерилья. – Семилетний сын? Бывшие жены? Танья?

– Знаю, знаю, – продолжил бармен. – Просто это чудовищно.

Все снова умолкли. Кто-то сказал про сильный снегопад, и они в самом деле увидели метель сквозь стеклянные двери в дальнем конце фойе. Из бара снег казался нереальным, будто кино о плохой погоде на пустынной улице.

– Ну, за Артура, – произнес бармен.

В детской гримерной Танья старалась отвлечь Кирстен.

– Вот, держи, – опустила она в руки девочки пресс-папье. – Я буду дозваниваться твоим родителям, а ты постарайся не плакать, смотри, какая красивая штучка...

И Кирстен, которой через считанные дни исполнялось восемь лет, уставилась на предмет в руках, задыхаясь от слез. Она подумала, что это самая красивая и самая странная вещьца, какую ей когда-либо давали – крупный кусок стекла с пойманной внутри грозовой тучей.

Собравшиеся в баре зазвенели бокалами.

– За Артура.

Вскоре они вышли на улицу, в метель, где разошлись каждый в свою сторону.

Из собравшихся в баре той ночью дольше всех продержался бармен. Он умер через три недели на дороге, ведущей из города.

3

Дживан в одиночку бродил по парку Аллан. Холодный свет теплицы манил, словно маяк. Снег уже доставал до середины голени: можно, как в детстве, радостно оставить следы на его нетронутой белой глади. Заглянув в теплицу, Дживан ощутил некое умиротворение – рай из тропических растений и пальмовых ветвей за запотевшим стеклом напомнил о давнем отдыхе на Кубе. Надо навестить брата; хотелось рассказать Фрэнку о сегодняшнем вечере, об ужасной смерти Артура и собственном открытии, что он все-таки должен стать парамедиком. До сегодняшнего дня Дживан сомневался. Он долго искал себе профессию и успел поработать барменом, папарацци, журналистом в развлекательном журнале, затем снова папарацци и снова барменом. И это только за последний десяток лет.

Фрэнк жил в стеклянной многоэтажке с видом на озеро, на южной окраине города. Дживан вышел из парка и немного подождал на тротуаре, слегка подпрыгивая, чтобы согреться. Затем сел в трамвай, который выплыл из темноты, словно корабль, и прислонился лбом к стеклу. Трамвай медленно пополз вдоль Карлтон-стрит, откуда Дживан пришел пешком. Снежная буря все замела белым.

После массажа сердца Артура, которое упрямо не желало начинать стучать, болели руки. Дживана охватили грусть и воспоминания, как он много лет назад делал снимки Артура в Голливуде. Вспомнилась та девочка в театральном гриме, Кирстен Реймонд; стоявший на коленях кардиолог в сером костюме; лицо Артура, его предсмертные слова: «И королек...». Последнее, конечно, навело на мысли о птицах, Фрэнке и его бинокле, как они с братом несколько раз наблюдали за пернатыми; любимое летнее платье Лауры – синее с россыпью желтых попугайчиков. Лаура... что же будет с их отношениями? Дживан почти вернулся к началу своего пути – впереди, в нескольких кварталах, темнел уже закрытый театр. Трамвай остановился, так и не доехав до Янг-стрит, – на пути вынесло машину. Трое людей помогли ее толкать; колеса буксовали в снегу. В кармане снова завибрировал телефон, но звонила не Лаура.

– Хуа?

Дживан считал Хуа своим лучшим другом, пусть и виделись они редко. Они проработали в одном баре несколько лет после колледжа, пока Хуа готовился к экзамену для поступления в медицинский университет, а Дживан делал безуспешно карьеру свадебного фотографа. Затем Дживан с еще одним другом отправился в Лос-Анджелес снимать «звезд», а Хуа стал учиться на врача. Теперь он работал, зачастую сверхурочно, в клинике «Торонто Джeneral».

– Новости смотрел? – необычайно напряженно произнес Хуа.

– Сегодня? Нет, я в театре был. Собственно, не поверишь, что случилось...

– Погоди, послушай, скажи мне, только честно, ты, как всегда, впадешь в панику, если я расскажу тебе кое-что очень-очень плохое?

– У меня уже три года не было панических атак. Доктор считает, что это все временная реакция на стресс.

– Ладно, слышал про грузинский грипп?

– Конечно, – ответил Дживан, – ты же знаешь, я стараюсь следить.

Вчера эфир потрясла новость о бушующем в Грузии новом опасном гриппе. Поступали противоречивые сведения о проценте смертности и количестве жертв. Информационные агентства дали вирусу название «грузинский грипп». Дживану оно показалось обезоруживающе красивым.

– У меня в реанимации пациент, – сказал Хуа. – Шестнадцатилетняя девочка, вчера прилетела из Москвы, рано утром поступила с симптомами гриппа.

Дживан только сейчас заметил, какой усталый у друга голос.

– Перспективы у нее не очень. А к середине утра с аналогичными симптомами поступило ещё двенадцать новых больных. Все летели тем же рейсом и утверждают, что начали плохо себя чувствовать еще на борту.

– Родственники? Друзья той девочки?

– Никаких связей. Они просто сели в один самолет из Москвы.

– А шестнадцатилетняя?..

– Вряд ли выживет. Так вот, это была первая группа, пассажиры из Москвы. Днем появился еще пациент. Те же симптомы, но на борту его не было. Он работает в аэропорту.

– Не понимаю, к чему ты...

– То есть он не контактировал с другими пациентами, за исключением одного, который спросил, как сесть на автобус до отеля.

– Ого, – удивился Дживан. – Паршиво.

Трамвай до сих пор не мог сдвинуться с места из-за застрявшей машины.

– Значит, ты сегодня допоздна?

– Помнишь эпидемию ТОРС?² – спросил Хуа. – И наш разговор тогда?

– Я позвонил из Лос-Анджелеса, когда узнал, что твоя больница на карантине, но не помню, что говорил.

– Ты ударился в панику, и мне пришлось тебя успокаивать.

– Ладно, было дело. Но слушай, про это все так убедительно...

– Ты попросил сообщить, если вдруг начнется настоящая эпидемия.

– Да, помню.

– С утра количество пациентов с гриппом возросло до двух сотен, – сказал Хуа. – Сто шестьдесят только за последние три часа. Пятнадцать умерли. Каталки стоят уже в коридорах. Министерство здравоохранения вот-вот объявит официально.

Дело не только в усталости, сообразил Дживан. Хуа напуган.

Дживан надавил на кнопку, подавая сигнал водителю трамвая, и добрался к задней двери. По пути он вдруг понял, что поглядывает на других пассажиров: девушка держит полную сумку

² ТОРС – тяжелый острый респираторный синдром, также известный как атипичная пневмония.

покупок, мужчина в деловом костюме играет на телефоне, пожилая пара тихо переговаривается на хинди. Может, кто-то из них был в аэропорту?.. Дживан буквально чувствовал их дыхание.

– Я знаю, как у тебя может разыгаться паранойя, – сказал Хуа. – Поверь, я в жизни тебе не позвонил бы...

Дживан постучал ладонью по стеклу. Кто еще прикасался к этой двери?.. Водитель мрачно глянул и все же выпустил его. Дверь тихо закрылась за спиной, и Дживан шагнул в метель.

– Но ты думаешь, что это не пустяк.

Дживан прошел мимо застрявшей машины. Впереди показалась Янг-стрит.

– Я уверен. Слушай, мне пора возвращаться.

– Хуа, ты с этими пациентами с самого утра работаешь?

– Я в порядке. Мне пора. Позвоню позже.

Дживан сунул телефон в карман и пошел по Янг-стрит в сторону озера и многоэтажки, где жил брат. Ты в порядке, мой давний друг, или *будешь* в порядке?.. Дживана охватило страшное беспокойство. Впереди замерцали огни театра Элгин. Внутри здания уже было темно, освещенные постеры до сих пор рекламировали «Короля Лира» – Артур с венком из цветов глядел вверх и держал на руках мертвую Корделию. Дживан постоял немного, рассматривая постеры, затем побрел дальше. Странный звонок Хуа никак не шел из головы.

На Янг-стрит почти никого не было. Дживан остановился под козырьком входа в магазин чемоданов, переводя дыхание и наблюдая, как по нерасчищенной дороге медленно пробирается такси. Фары осветили падающий снег, и это зрелище на мгновение перенесло его на сцену театра. Он помотал головой, чтобы перестать видеть застывший взгляд Артура, и зашагал дальше, усталый и оцепеневший, сквозь тени и оранжевые огни, мимо трассы Гардинер – Экспрессвей к южной окраине Торонто.

На набережной Квинс-Квей метель бушевала еще яростней. Над озером завывал ветер. Дживан только добрался до дома Фрэнка, как Хуа позвонил снова.

– Я все думаю о тебе, – начал Дживан. – Ты и правда...

– Слушай, – перебил Хуа. – Уезжай из города.

– Что? Сегодня? Что творится?

– Не знаю, Дживан. Если вкратце, я не знаю, что творится. Это грипп, да, но я никогда такого не видел. Все очень быстро. Он так легко передается...

– Стало хуже?

– Отделение переполнено, – ответил Хуа, – и дело плохо, уже половина штата не может работать.

– Заразились от пациентов?

В холле здания листал газету ночной консьерж. За его спиной на стене висела абстрактная картина в серо-красных тонах. И консьерж и картина отражались в натертом до блеска полу.

– Никогда не видел такого короткого инкубационного периода. Только что осмотрел пациентку – она работает у нас санитаркой. Когда утром начали поступать больные, как раз была ее смена. Через несколько часов санитарке стало плохо и она ушла домой. Два часа назад бойфренд привез ее обратно, теперь она на искусственной вентиляции легких. Если рядом больной, ты сляжешь в считанные часы.

– Думаешь, вирус выйдет за пределы больницы?.. – Дживан постепенно терял способность ясно мыслить.

– Не думаю – знаю. Он уже за ее пределами. Это полномасштабная эпидемия. Если она так распространяется у нас, то в городе наверняка еще похлеще. Я никогда не видел ничего подобного.

– То есть ты говоришь, чтобы я...

– Говорю, чтобы ты немедленно уезжал. Или запасись едой и не выходи из квартиры. Мне надо сделать еще несколько звонков.

Хуа положил трубку, и Дживан остался один посреди метели. Дежурный перевернул очередную страницу. Если бы такое рассказал кто-то другой, Дживан не поверил бы, но Хуа обладал невероятной способностью все преуменьшать. Если он подтвердил, что бушует эпидемия, значит «эпидемия» – это еще слабо сказано.

Дживан вдруг содрогнулся от внезапной уверенности, что всему настал конец. Что болезнь, о которой говорил Хуа, станет чертой между «до» и «после», проходящей через его жизнь.

Он миновал дом Фрэнка, темную кофейню у причала, крошечную гавань, полную засыпанных снегом прогулочных лодок, и вышел к продуктовому магазину. Внутри замер, моргая от яркого света. Между рядами ходили всего пара покупателей. Дживан понял, что должен позвонить, но кому? Его единственным близким другом был Хуа. Брата Дживан увидит через несколько минут. Родители мертвы, а заставить себя поговорить с Лаурой он пока не мог. Наконец Дживан решил сперва добраться к Фрэнку, проверить новости, а потом пройтись по списку контактов телефона и всех обзвонить.

Над окошком киоска фотоаппаратуры висел небольшой телевизор, и Дживан подошел ближе. На экране на фоне «Торонто Джeneral» под снегопадом стояла корреспондентка, а над ее головой шли субтитры. «Торонто Джeneral» и две другие больницы закрыты на карантин. Министерство здравоохранения подтверждает вспышку грузинского гриппа. На данный момент они не обладают точными цифрами, однако уже были случаи летального исхода. Информация продолжает поступать. Есть предположения, что грузинская и российская стороны скрывают истинное положение дел в их странах. Чиновники обращаются с просьбой по возможности сохранять спокойствие.

Как подготовиться к катастрофе, Дживан знал только из экшн-фильмов, зато пересмотрел их целое множество. Он начал с воды и доверху наполнил огромную тележку как упаковками, так и отдельными бутылками. С усилием толкая свою ношу к кассам, Дживан вдруг засомневался – не перегнул ли палку? Однако затем он решил, что поворачивать назад уже поздно. Продавщица вскинула бровь, но промолчала.

– Припарковался у магазина, – сказал Дживан. – Я верну тележку.

Девушка устало кивнула. Она была юной, едва за двадцать, наверное, и постоянно отбрасывала с глаз темную челку. Дживан выкатил невозможно тяжелую тележку за двери, в снег. Тележка набрала скорость на склоне, но колеса увязли в снегу и она вильнула к клумбе.

Двадцать минут двенадцатого. Сорок минут до закрытия магазина. Дживан мысленно прикидывал, как быстро сможет добраться к Фрэнку и разгрузить тележку. И сколько времени уйдет на попытки объяснить происходящее и убедить брата, что Дживан не сошел с ума. Может, оставить тележку здесь?.. На улице ведь ни души.

По пути к магазину Дживан позвонил Хуа:

– Что там сейчас творится?

Пока Хуа рассказывал, Дживан быстро перемещался между рядами. Еще упаковка воды – воды много не бывает, затем бесчисленное множество консервных банок, всю полку тунца, бобов и супов, макароны – все, что хоть как-то хранится. В больнице Хуа было полно больных гриппом, как и в остальных больницах города. В «Скорой помощи» сбивались с ног. Умерло уже тридцать семь человек, включая всех пациентов московского рейса и двух медсестер, которые дежурили с утра. Дживан стоял у кассы, продавщица «пробивала» все его консервы и упаковки. Хуа позвонил жене и велел вместе с детьми покинуть город, только не самолетом. События в театре Элгин теперь казались частью какой-то совершенно иной жизни. Продавщица шевелилась ужасно медленно, а кредитку Дживана разглядывала так пристально, как будто не видела ее десять минут назад.

- Забирай Лауру и брата, – сказал Хуа, – и сегодня же уезжайте из города.
- Я не могу из-за брата. Где я в такое время арендую фургон для инвалидного кресла?
- В ответ донесся приглушенный звук. Хуа кашлял.
- Ты заболел? – Дживан толкнул тележку к выходу.
- Доброй ночи.

Хуа бросил трубку, и он остался один посреди снега. Следующую тележку он нагрузил туалетной бумагой. Затем еще одну – снова консервами, замороженным мясом, аспирином, мусорными пакетами, отбеливателем, клейкой лентой.

– Работаю на благотворительную организацию, – пояснил Дживан девушке за кассой во время третьего или четвертого круга, однако она почти не обратила на него внимания. Она то и дело поглядывала на экран телевизора, машинально «пробивая» товары.

Во время шестого похода в магазин Дживан позвонил Лауре, но попал на голосовую почту.

- Лаура, слушай...

Да, лучше переговорить с ней лично, однако на часах уже было почти без десяти одиннадцать. Наполняя очередную тележку едой, Дживан быстро перемещался по этому пропахшему выпечкой и чем-то цветочным миру, что вот-вот исчезнет, и думал о Фрэнке в квартире на двадцать втором этаже, как снаружи бушует метель, а брат заперт на такой высоте наедине с бессонницей, работой над книгой, вчерашним выпуском «Нью-Йорк таймс» и музыкой Бетховена. Дживана охватило отчаянное желание поскорее добраться до Фрэнка. Он хотел позвонить Лауре позже, но передумал и набрал домашний номер, пока стоял на кассе, старательно избегая взгляда продавщицы.

- Дживан, ты где? – В голосе Лауры звучало смутное обвинение.
- Ты смотришь новости? – Дживан в который раз достал кредитку.
- А надо?
- Началась эпидемия гриппа. Лаура, это не шутки.
- В России, что ли? Знаю.
- Теперь и здесь. Дела куда хуже, чем все думали. Я только что говорил с Хуа. Ты должна уехать из города.

Подняв взгляд, Дживан вдруг увидел выражение лица девушки за кассой.

- Должна?! Что? Ты вообще где?

Он нацарапал свое имя на чеке и с трудом толкнул тележку к выходу, где начиналась снежная буря. Управлять тележкой одной рукой было сложно; между скамейками и клумбами дожидались еще пять, припорошенных снегом.

- Просто включи новости.
- Ты ведь знаешь, я не люблю смотреть новости перед сном. У тебя что, паническая атака?
- Нет. Я иду к брату, проверю, в порядке ли он.
- А что с ним может быть?
- Ты меня не слушаешь. Ты никогда меня не слушаешь.

Дживан понимал, что говорить такое, когда им грозит пандемия гриппа, слишком мелко, но все равно не удержался. Он толкнул тележку в сторону остальных и рванул обратно к магазину.

- Поверить не могу, что ты бросила меня в театре. Ты просто ушла, пока я пытался запустить сердце мертвого актера.
- Дживан, скажи, где ты.
- В магазине.

Без пяти двенадцать. В последнюю тележку легли всякие излишества: овощи, фрукты, пакеты с апельсинами и лимонами, чай, кофе, крекеры, соль.

– Слушай, Лаура, я не хочу ссориться. Грипп очень опасный. И очень быстрый.

– Кто быстрый?

– Грипп. Хуа сказал, что он очень быстро распространяется. Тебе лучше уехать из города. В последний момент Дживан взял еще и букет нарциссов.

– Что?..

– В самолет ты сядешь еще здоровой, – проговорил он, – а через день умрешь. Я останусь с братом. Немедленно собери вещи и поезжай к матери, пока большинство людей не в курсе и дороги без пробок.

– Дживан, я волнуюсь, у тебя паранойя. Прости, что оставила тебя в театре, действительно разболелась голова, и я...

– Пожалуйста, включи новости. Или почитай их где-нибудь в Сети.

– Прошу, ответь, где ты, и я...

– Лаура, пожалуйста, сделай, как я говорю, – сказал он и бросил трубку, потому что уже в последний раз вернулся на кассу и время на разговоры с Лаурой подошло к концу.

Дживан отчаянно пытался не думать о Хуа.

– Мы закрываемся, – произнесла девушка за кассой.

– Последний заход, – отозвался Дживан. – Вы, наверное, считаете меня психом.

– Видела и похуже.

А она ведь напугана – после случайно услышанных фраз Дживана и тревожных новостей по телевизору.

– Ну, я просто хочу подготовиться.

– К чему?

– Кто знает...

– Это? – Девушка кивнула на экран. – Будет как с атипичной пневмонией. Раздули такую шумиху, а все мгновенно кончилось.

Говорила она, впрочем, не так уж уверенно.

– Ничего подобного. Уезжайте из города.

Дживан всего лишь хотел быть честным и как-то помочь, но сразу понял, что зря. Испуганная девушка просто решила, что он сумасшедший. Скользнув по нему безучастным взглядом, она «пробила» оставшиеся товары, и Дживан вновь оказался на улице под падающим снегом. Парень с козлиной бородкой, что работал в киоске, щелкнул замком.

Снаружи ждали семь огромных забитых тележек, которые необходимо доставить в квартиру брата. Дживан чувствовал себя глупым и немного безумным.

Ушел добрый час, чтобы откатить тележки по одной в холл здания, а потом в грузовой лифт, за внеурочное использование которого пришлось подкупить консьержа. И затем, по очереди, доставить их на двадцать второй этаж.

– Я *выживальщик*, – пояснил Дживан.

– У нас здесь такое редкость, – отозвался консьерж.

– Поэтому тут для этого и самое место, – ляпнул Дживан.

– Для чего самое место?

– Для *выживализма*.

– Вот как...

Потратив еще шестьдесят долларов, Дживан наконец остался один. Тележки выстроились вдоль коридора. Может, стоило позвонить брату еще из магазина?.. Час ночи – все квартиры заперты, кругом царит тишина.

– Дживан? – удивился Фрэнк, открыв дверь. – Какая приятная неожиданность.

– Ну, я... – Дживан не знал, как объясниться, поэтому шагнул в сторону и слабо махнул рукой на тележки.

Фрэнк проехал вперед в инвалидном кресле и выглянул из квартиры.
– Смотрю, ты прошелся по магазинам, – сказал он.

4

К тому времени театр Элгин уже был почти пуст – там находились лишь охранник, который сидел в фойе первого этажа и играл в тетрис на телефоне, и продюсер, наконец решившийся позвонить из кабинета наверху. Продюсер удивился, когда адвокат Артура ответил. Разве юристы в сфере индустрии развлечений обычно работают до десяти вечера по тихоокеанскому времени? Наверное, да, из-за огромной конкуренции в их области. Так или иначе продюсер сообщил адвокату о смерти Артура и ушел домой.

Адвокат всю жизнь был трудоголиком и приучил себя к двадцатиминутным перерывам на сон вместо полноценного отдыха. Он два часа изучал завещание Артура Линдера, а затем все его e-мейлы. Оставались вопросы, что-то не сходилось. Адвокат позвонил ближайшему другу Артура, которого однажды встретил на званом ужине в Голливуде. Утром после нескольких все более раздражающих телефонных разговоров этот ближайший друг начал обзванивать бывших жен Артура.

5

Звонок застал Миранду на южном побережье Малайзии. Она работала на судоходную компанию, поэтому получила задание отправиться в недельную командировку и проверить условия на местности, как сказал ее начальник.

«На местности?» – переспросила тогда Миранда.

Леон улыбнулся. Их кабинеты располагались рядом, и оба выходили на Центральный парк. Леон и Миранда работали вместе уже долго, больше десяти лет. Они пережили два преобразования предприятия и переезд компании из Торонто в Нью-Йорк. Друзьями они не были – по крайней мере в смысле общения вне работы, – но Миранда считала Леона самым дружественным из сотрудников.

«Ты права, звучит странно, – согласился он. – Значит, условия на воде».

В тот год у побережья Малайзии на якоре стояло около двенадцати процентов транспортных судов всего мира, погруженных в спячку экономическим кризисом. Днем они казались серо-коричневыми фигурами у линии горизонта, почти скрытыми в дымке. На каждом – от двух до шести человек, сокращенный состав команды. Люди бродили по пустым каютам и коридорам, и шаги их отзывались гулким эхом.

«Одиноко тут», – пожаловался моряк Миранде, когда она вместе с переводчиком и местным капитаном вышла из опустившегося на палубу штатного вертолета. Дюжина располагающихся здесь кораблей принадлежали их компании.

«Пусть они там не особо расслабляются, – сказал Леон. – Капитан неплох, но я хочу дать им понять, что всем руководит именно наша компания. Так и вижу эту армаду плавучих вечеринок».

Однако люди были настроены серьезно и осторожничали, боялись пиратов. Миранда пообщалась с человеком, который не был на суше уже три месяца.

Тем же вечером, на пляже у гостиницы Миранду вдруг охватило необъяснимое одиночество. Она думала, что знала абсолютно все об этих остатках флота, но не была готова увидеть такую красоту. Корабли светились, чтобы не сталкиваться ночью. Глядя на них, Миранде казалось, что ее выбросило на темный берег, а у линии горизонта сверкает таинственная и невозможно далекая сказочная страна. Миранда держала в руке телефон, ожидая звонка от друга, однако, ощутив вибрацию, увидела на экране незнакомый номер.

– Да?

Пара неподалеку общалась по-испански. Миранда уже несколько месяцев учила этот язык и разбирала каждое третье или четвертое слово.

– Миранда Кэрролл? – произнес смутно знакомый мужской голос с британским акцентом.

– Да, с кем я говорю?

– Вряд ли вы меня помните, мы виделись несколько лет назад на мероприятии в Каннах. Кларк Томпсон. Друг Артура.

– И еще раз после этого, – сказала Миранда. – Вы приезжали на званый ужин в Лос-Анджелесе.

– Да, – отозвался Кларк. – Да, конечно, как я мог забыть...

Ничего он не забыл, поняла Миранда, а просто повел себя тактично.

– Миранда, – произнес Кларк. – Боюсь, у меня плохие новости. Лучше присядьте.

Она осталась стоять.

– Говорите.

– Миранда, вчера Артур умер от сердечного приступа.

Свечение над водой смазлось, превращаясь в череду сливающихся ореолов.

– Мне очень жаль. Не хотел, чтобы вы узнали из новостей.

– Но я только недавно его видела, – услышала Миранда собственный голос. – Я была в Торонто две недели назад.

– Сложно поверить, да. – Кларк кашлянул. – Такое потрясение, такое... Мы познакомились, когда мне было всего восемнадцать. Тоже никак не могу смириться.

– Прошу, расскажите, что вы знаете.

– Ну, он... надеюсь, вас не обидит, если я скажу, что сам Артур был бы рад... Он умер на сцене. Мне сообщили, что у него случился тяжелый сердечный приступ во время четвертого акта «Короля Лира».

– Он просто рухнул?..

– В зале было двое врачей, они сразу поднялись на сцену, как только поняли, что происходит, и попытались его спасти, однако никто уже ничего не мог сделать.

Вот как все заканчивается, думала Миранда после разговора. Так банально и просто, что эта мысль почему-то странно успокаивала – вот тебе звонят по телефону, пока ты в другой стране, и в одно мгновение узнаешь, что человек, с которым ты когда-то хотела прожить до самой старости, покинул этот мир.

Из темноты по-прежнему доносилась беседа на испанском. На горизонте светились корабли. Ветра не было. В Нью-Йорке занималось утро. Миранда представляла, как Кларк положил трубку телефона в своем офисе в Манхэттене. Все это происходило в последнем месяце той эры, когда еще было возможно нажать несколько кнопок на аппарате и связаться с кем-то на другом конце планеты.

6

НЕПОЛНЫЙ СПИСОК:

Не стало бассейнов с хлорированной водой и подсветкой на дне. Игр с мячом в свете прожекторов. Фонарей, у которых летними ночами вьется мошкара. Поездов, что проносятся под землей в городах, благодаря текущему в третьем рельсе току. Не стало самих городов. Не стало кино, разве что иногда, с генератором, который заглушает половину диалогов, хотя вскоре топливо кончилось, ведь автомобильный бензин портится через два или три года хранения. Авиационный – медленнее, но его сложно найти.

Нет больше экранов, что светятся в полутьме, когда люди вытягивают руки с телефонами над головами толпы, чтобы сфотографировать сцену. Нет и самих сцен, освещенных яркими галогенными лампами. Нет электронной музыки, нет панка и электрогитар.

Нет лекарств. Нет уверенности, что можно не умереть от царапины на руке или пореза на пальце, если соскочит нож, пока готовишь обед.

Нет полетов. Не выглянуть из иллюминатора на мерцающие внизу города, представляя, как среди этих огней живут люди. Нет самолетов, нет просьб поднять и зафиксировать откидные столики... хотя самолеты все же иногда встречались то тут, то там. Они покоились в ангарах и на взлетных полосах, собирали снег на крыльях. В холодные месяцы самолеты становились идеальными хранилищами для пищи. Летом те, что находились возле садов, были наполнены подносами с высыхающими на солнце фруктами. Подростки тайком пробирались в самолеты, чтобы заняться сексом. На металле расцветала ржавчина.

Исчезли государства, границы остались без охраны.

Не стало пожарных частей, полиции. Как и технического обслуживания дорог, вывоза мусора. С космодромов Мыс Канаверал, Байконур, Ванденберг, Плесецк и Танегасима не взлетают космические корабли, прожигая пути вверх сквозь атмосферу.

Не стало Интернета, социальных сетей. Больше не прокрутить бесконечные страницы, заполненные чужими мечтами, надеждами и фотографиями еды, криками о помощи или радостными возгласами, обновлениями статуса отношений с целыми или разбитыми сердечками, планами о встречах, призывами, жалобами, желаниями, картинками с детьми в костюмах мишек или перчинок для Хеллоуина. Не почитать и не прокомментировать жизнь, чувствуя себя не так одиноко в своей комнате. Не поставить аватарку.

Часть вторая

Сон в летнюю ночь

7

Через двадцать лет после того, как путешествия по воздуху стали невозможны, повозки «Дорожной симфонии» медленно продвигались вперед под добела раскаленным небом. Стоял конец июля, и двадцатипятилетний термометр, прикрепленный к ведущей повозке, показывал сто шесть по Фаренгейту и сорок один по Цельсию. Труппа ехала к озеру Мичиган. Обочины плотно заросли деревьями, которые пробились сквозь трещины в асфальте. Побегов гнулись под колесами повозок, а мягкая листва щекотала ноги лошадей и людей. Безжалостная жара не спадала уже неделю.

Большинство людей шли пешком, чтобы облегчить ношу лошадей, ведь им и без того, к всеобщему неудовольствию, приходилось часто давать отдых в тени. Участники «Симфонии» не очень хорошо знали эту местность и спешили ее покинуть, однако при такой жаре двигаться быстро было невозможно. Они медленно шагали, сжимая оружие. Актеры повторяли реплики, музыканты пытались не обращать внимания на актеров, а разведчики следили, нет ли какой опасности впереди или позади.

«Неплохая проверка, – сказал чуть раньше их режиссер-постановщик. Гилу было семьдесят два, и он ехал во второй повозке, ведь ноги уже не держали его так хорошо, как раньше. – Если сможете вспомнить текст на такой сомнительной местности, то на сцене все будет отлично».

– Входит Лир³, – произнесла Кирстен.

Двадцать лет назад, в той жизни, которую она почти и не помнила, у нее была маленькая немая роль в недолго продержавшейся постановке «Короля Лира» в Торонто. Теперь Кирстен шагала в сандалиях на подошве из автомобильной шины и носила за поясом три ножа. В руках она держала печатную версию пьесы в мягкой обложке с выделенными желтым сценическими ремарками.

– Причудливо убранный цветами, – продолжила Кирстен.

– Но кто идет там? – проговорил человек, разучивающий роль Эдгара.

Его звали Август, и он только недавно стал актером. А еще он был второй скрипкой и тайно писал стихи, о чем в «Симфонии» знали лишь Кирстен и седьмой гитарист.

– Да, здравый ум едва ли заставил бы... заставил... Как там?

– Так нарядиться, – подсказала Кирстен.

– Спасибо. Да, здравый ум едва ли заставил бы так нарядиться.

Повозки раньше были пикапами; теперь их тянули лошади, помогая крутиться колесам из стали и дерева. Все части, ставшие бессмысленными, когда исчерпались запасы бензина, – двигатель, топливная система и другие, которые люди младше двадцати никогда не видели в действии, – пришлось изъять, а на крышах установить скамеечки для кучеров. Из машин убрали все, что добавляло лишний вес, но в остальном они остались прежними – закрывающиеся двери, окна из автостекла, которое непросто разбить, ведь путешествовали они по опасной территории, и было бы неплохо иметь возможность куда-нибудь усадить и как-то защитить детей. Платформы кузовов перетянули темно-серым брезентом с белыми буквами «ДОРОЖНАЯ СИМФОНИЯ» по обеим сторонам.

³ Здесь и далее – «Сон в летнюю ночь» в пер. В. Лозинского.

– Они не могут препятствовать мне чеканить монету, – бросил через плечо Дитер.

Он разучивал роль Лира, хотя был еще молод. Дитер шел чуть впереди остальных актеров и что-то бормотал своему любимому коню Бернстайну. У коня не хватало доброй половины хвоста – неделю назад первой виолончели понадобилось перетянуть смычок.

– Вид душу раздрает! – продолжил Август.

– Знаете, что душу раздрает? – проворчал третий трубач. – Слушать «Короля Лира» который раз подряд на таком пекле.

– А знаешь, что хуже? – Александре, самой младшей актрисе «Симфонии», было пятнадцать. Ее еще младенцем подобрали на дороге. – Четыре дня добираться от одного города до другого.

– А как это, «душу раздрает»? – спросила Оливия, шестилетняя дочь тубиста и актрисы по имени Лин. Малышка ехала во второй повозке вместе с Гилом и плюшевым медвежонком.

– Через пару часов будем в Сент-Деборе, – сказал Гил. – Волноваться совсем не о чем.

По поверхности Земли, словно ударная волна ядерного взрыва, прокатился грипп, а затем и ужас от последовавшего краха. В первые страшные годы все перебирались с места на место в безуспешных поисках хотя бы частички былой жизни и оседали где попало, для безопасности сбиваясь в группки в придорожных кафе, бывших ресторанах и мотелях. «Дорожная симфония» начала передвигаться между поселениями нового мира спустя пять лет после катастрофы. Женщина-дирижер собрала своих друзей из военного оркестра, вместе они покинули авиационную базу, на которой жили, и отправились в неизвестность.

К тому времени большинство людей уже обустроили себе постоянные жилища, ведь оставшийся бензин испортился к третьему году, а бесконечно переходить с места на место пешком невозможно. После полугода странствий от одного городка к другому, хотя слово «городок» использовали весьма условно, в некоторых бывших придорожных кафе могли проживать лишь четыре-пять семей: оркестр соединился с внезапно встреченной компанией шекспировских актеров во главе с Гилом, которые вместе покинули Чикаго, затем несколько лет проработали на ферме, а теперь уже три месяца путешествовали по дорогам.

И даже через двадцать лет после катастрофы они продолжали колесить туда-сюда вокруг озер Гурон и Мичиган; шли до самого Траверс-Сити на западе и Кинкардина на северо-востоке, вдоль реки Сент-Клэр на юг к рыбацким городкам Марин-Сити и Алгонак, а затем возвращались обратно. Сейчас эти места стали тихими. На дорогах почти никого не было, разве что встречались бродячие торговцы, которые перевозили в телегах всякую всячину. «Симфония» исполняла музыку – классику, джаз, оркестровые аранжировки популярных до катастрофы песен – и Шекспира. В первые несколько лет они ставили и более современные пьесы, но, как ни странно, зрители предпочитали смотреть именно Шекспира.

«Люди хотят лучшее, что было в мире», – сказал однажды Дитер. В нынешней жизни ему приходилось тяжело. В колледже он играл в панк-группе и теперь ужасно скучал по звуку электрогитар.

До Сент-Деборы оставалось не более двух часов пути. Репетиция «Лира» сошла на нет на четвертом акте: все устали, да и жара действовала на нервы. Труппа остановилась, чтобы дать лошадям отдохнуть. Кирстен, которой не сиделось на месте, прошла чуть дальше и начала упражняться в метании ножей. С пяти шагов, с десяти, с двадцати. Лезвия вонзались в дерево с приятным звуком. Когда «Симфония» вновь двинулась вперед, Кирстен залезла во вторую повозку, где за починкой костюма отдыхала Александра.

– Так вот, – произнесла та, возвращаясь к разговору, – ты видела компьютерный экран в Траверс-Сити...

– И что?

В Траверс-Сити, который они недавно покинули, некий изобретатель собрал у себя на чердаке электрическую установку. Достаточно скромную – если яростно крутить педали велотренажера, то электричества хватало для работы ноутбука, однако изобретатель питал куда большие надежды: дело было даже не в самой установке, а в поисках выхода в Интернет. Юные участники «Симфонии» трепетали, слушая его рассказ; они помнили истории о вай-фае и невообразимом хранилище-«облаке», а также гадали: вдруг Интернет все еще где-то там, в невидимых крапинках света.

– Он был таким, как ты помнишь?

– Я плохо помню, как выглядели компьютерные экраны, – признала Кирстен.

У второй повозки были крайне отвратительные амортизаторы, поэтому Кирстен казалось, что у нее дребезжат даже кости.

– Как можно такое забыть? Он ведь красивый.

– Мне было восемь.

Александра недовольно кивнула: вот если бы *она* в восемь лет увидела светящийся экран, то непременно бы его запомнила.

В Траверс-Сити Кирстен прочитала на экране надпись «Страница не может быть отображена». Вряд ли, конечно, изобретатель сумел бы обнаружить Интернет, но ее больше очаровало само электричество. В мыслях возникли образы лампы с розовым абажуром на столике, ночника в форме широкого полумесяца, люстры в столовой, залитой светом сцены. Изобретатель быстро крутил педали, чтобы экран не потух, и попутно объяснял что-то про спутники. Александра пришла в восторг, для нее экран был неким волшебством. А Август просто пялился на него с отсутствующим выражением на лице.

Когда Кирстен и Август проникали в заброшенные дома (это было их любимое занятие, и порой они находили полезные вещи), Август всегда глядел с тоской на телевизоры. В детстве он был тихим и немного застенчивым, да и вообще редко находил общий язык с другими людьми. То есть пока его братья играли в бейсбол и заводили новых друзей, Август все свободное от школы время проводил в четырех стенах домов на американских военных базах, между которыми переезжала семья. Что хорошо в телепрограммах – их можно было смотреть везде, причем одни и те же, неважно, перебросили родителей в Мэриленд, Калифорнию или Техас. До катастрофы Август часами просиживал перед телевизором, играл на скрипке или делал и то и другое одновременно. Кирстен с легкостью представляла подобную картину: Августу девять лет, десять, одиннадцать, он бледный и тощий, с падающими на глаза темными волосами и серьезным, застывшим выражением лица играет на маленькой скрипке в свете экрана. Сейчас, когда они вламывались в дома, Август искал выпуски журнала «Телегид». К началу пандемии этот еженедельник уже почти никто не читал, хотя некоторые люди все же продолжали его покупать до самого конца. Потом, в моменты отдыха, Август листал найденные выпуски. Он говорил, что помнит все телешоу: звездолеты, гостиные с огромными диванами в комедиях, полицейских, несущихся вперед по улицам Нью-Йорка, залы и судей с суровыми лицами. Август с удовольствием брал и сборники стихов – они попадались еще реже, чем «Телегид», – и читал их по вечерам.

Кирстен же искала журналы о знаменитостях, ведь однажды, когда ей было шестнадцать, она пролистнула страницы журнала, лежавшего на пыльном столике, и наткнулась на свое прошлое:

«Счастлирое воссоединение: Артур Линдер встречает своего сына Тайлера в международном аэропорту Лос-Анджелеса.

Заросший Артур приветствует семилетнего Тайлера, который живет в Иерусалиме с матерью, моделью и актрисой Элизабет Колтон».

И фото: Артур, в мятой одежде и кепке, с трехдневной щетиной, держит на руках сына. Мальчик сияет, глядя на лицо отца, а сам Артур улыбается в камеру.

Через год случится вспышка грузинского гриппа.

«Я его знала! – пораженно выдохнула Кирстен. – Он подарил мне комиксы, я тебе их показывала!» Август кивнул и попросил посмотреть их еще раз.

Кирстен многого не могла вспомнить о мире до катастрофы – свой домашний адрес, лицо матери, телепрограммы, о которых без остановки болтал Август, – зато помнила Артура Линдера. И после первой находки она стала просматривать все попадающиеся на глаза журналы в поисках Артура. Собранная по крупицам информация хранилась в рюкзаке в специальной папке на застежке. Снимок, где задумчивый Артур один на пляже. Снимок, где он с первой женой, Мирандой, и, позже, уже со второй, Элизабет, тощей блондинкой, что никогда не улыбалась на фото. И еще с их сыном, который был примерно одного возраста с Кирстен. И с третьей женой, очень похожей на предыдущую.

«Да ты как археолог», – сказала Чарли, когда Кирстен похвасталась добычей. В детстве Чарли сама мечтала стать археологом. Она играла на виолончели и была близкой подругой Кирстен.

Ни один из экспонатов коллекции не походил на Артура Линдера, каким его помнила Кирстен, но что вообще сохранилось в ее памяти? Мимолетная доброта, седые волосы, человек, который однажды сунул ей в руки две книги комиксов – «У меня есть для тебя подарок»... А после этого самое ясное воспоминание из жизни до катастрофы – сцена, мужчина в костюме что-то говорит, а за ним на спине лежит Артур, над которым склонились врачи «Скорой помощи»; голоса и плач, группы людей, почему-то падающий снег, хотя они не на улице, лучи софитов.

8

Артур подарил две книги из серии не известной никому из «Симфонии» под названием «Доктор Одиннадцать». Том первый, выпуск первый – «Станция Одиннадцать». Том первый, выпуск второй – «Погоня». К двадцатому году Кирстен запомнила их наизусть.

Доктор Одиннадцать – физик и живет на космической станции, но она настолько усовершенствована, что напоминает маленькую планету. Там есть глубокие синие моря и скалистые острова, связанные мостами, оранжево-багровые небеса с двумя лунами над горизонтом. Контрафактист, который до катастрофы работал в типографии, рассказал Кирстен, что напечатать эти две книги стоило больших денег, ведь там дорогая бумага и яркие иллюстрации, то есть это были даже не просто комиксы, как при серийном производстве, а чей-то амбициозный проект. Но чей? В книгах нет биографической информации, а вместо имени автора стоят лишь инициалы – «М. К.». На форзаце первого выпуска кто-то написал карандашом «Экземпляр 2 из 10». На форзаце второго – «Экземпляр 3 из 10». Может, в мире существует всего десять экземпляров каждой из книг?

Кирстен как могла берегла их, но сейчас страницы уже загнуты, обтрепаны по краям. Первая книга открывается картинкой. Доктор Одиннадцать стоит в сумерках на темном утесе, нависающем над морем цвета индиго. Между островами снуют маленькие лодочки, на горизонте вращаются ветряные установки. Доктор держит в руке фетровую шляпу. К его ногам жметесь небольшое белое животное. Несколько старших участников «Симфонии» подтвердили, что это собака, однако Кирстен таких собак не видела. Животное зовут Лули. Оно похоже на смесь лисы и облака. Под картинкой – строка текста: «Я стоял, глядя на свой разрушенный дом, и пытался забыть счастье жить на Земле».

9

Во второй половине дня труппа прибыла в Сент-Дебору: заправка и несколько однотипных ресторанчиков вдоль дороги, мотель и торговый центр «Волмарт». Здесь пролегла юго-западная граница территории «Симфонии». Насколько все знали, за ней ничего больше не было.

Два года назад они оставили в этом городе шестого гитариста и Чарли, беременную от него. Их устроили в бывшем ресторанчике «Вендис», чтобы Чарли не пришлось рожать в дороге. Теперь на северной окраине города «Симфонию» вдруг встретил сторожевой пост – под радужным пляжным зонтом сидел пятнадцатилетний мальчишка.

– А я вас помню, – сказал он. – Можете разбить лагерь в «Волмарте».

«Симфония» намеренно медленно продвигалась по Сент-Деборе; первый трубач исполнил соло из концерта Вивальди, но музыка почему-то никого не привлекала. В Траверс-Сити за ними по улице шла целая толпа, которая разрослась до ста человек. Здесь же лишь четверо-пятеро человек выглянули из-за дверей или угла дома, хмурые, насупленные.

«Волмарт» располагался у южной окраины; над парковкой подрагивал раскаленный от жары воздух. Труппа остановила повозки у сломанных дверей, и артисты принялись привычно ухаживать за лошадьми и попутно спорить, какую пьесу сегодня исполнить или же вообще устроить музыкальный вечер. Ни Чарли, ни гитарист так и не появились.

– Может, они сейчас где-то работают, – предположил Август.

Кирстен казалось, что город слишком пуст. Вдалеке возникали миражи – призрачные омуты на дороге. Человек, толкающий тачку, будто шагал по воде. Между домами шла женщина с охапкой стираного белья. И больше никого.

– Я бы предложил «Лира», – сказал Саид, актер, – но не знаю, стоит ли погружать этот город в еще большую тоску.

– В кои-то веки я с тобой согласна, – отозвалась Кирстен.

Другие актеры продолжали спорить. «Король Лир», ведь они репетируют уже неделю – Август занервничал – или «Гамлет», потому что его не исполняли уже месяц?

– «Сон в летнюю ночь», – объявил Гил, разрешая тупиковую ситуацию. – Думаю, самое время для фей.

– Что, вся наша компания в сборе?

– Ты лучше выкликай каждого порознь соответственно списку.

Джексон играл Мотка уже с десятков лет и единственный сегодня справлялся без сценария. Даже Кирстен пришлось дважды взглянуть на текст – с тех пор как она исполняла роль Титании, прошли недели.

– Здесь как-то тихо, правда? – произнес Дитер, стоявший рядом с Кирстен.

– Даже страшновато. Помнишь, как мы в прошлый раз здесь были? За нами через весь город шли десять или пятнадцать детей, потом они смотрели репетицию.

– Твой выход, – подсказал Дитер.

– Я же ничего не путаю? – Кирстен вот-вот было пора на «сцену». – Они все вокруг нас толпились.

Дитер нахмурился, бросив взгляд на пустую дорогу.

– ...но отойдем! – произнесла Александра в роли Пака. – Смотри: вот Оберон.

– А там – царица, – отозвалась Лин, фея. – Как некстати он!

– К добру ли эта встреча при луне, надменная Титания?

Саид держался с царственностью, в которую Кирстен когда-то влюбилась с первого взгляда. Даже здесь, на парковке, в этом пекле, с влажными пятнами на футболке и в драных на коленях джинсах, его все равно можно было с уверенностью назвать королем.

– Что это? Ревнивый Оберон? – уверенно шагнула вперед Кирстен.

Они с Саидом встречались два года, пока четыре месяца назад Кирстен не переспала со странствующим торговцем – наверное, от скуки. Сейчас они вместе играли в «Сне в летнюю ночь», и Кирстен не могла смотреть Саиду в глаза.

– Умчимся, феи! Мне вид его и ложе ненавистны.

Донеслись смешки. Саид ухмыльнулся.

– Господи, – расслышала Кирстен бормотание Дитера, – ну вот обязательно, что ли?..

– Стой, дерзкая, – произнес Саид, растягивая слова. – Иль я тебе не муж?

10

«Дорожная симфония» столкнулась с той же проблемой, от которой повсеместно страдали любые сборища людей еще до катастрофы и, без всяких сомнений, даже в доисторические времена. Взять, например, третьего виолончелиста: он уже несколько месяцев пытался взять Дитера измором, ведь тот имел неосторожность заметить, как рискованно играть на инструменте в опасной местности – при хорошей погоде звуки разносились на милю. Дитер в свою очередь затаил немалую обиду на вторую валторнистку, которая однажды что-то сказала о его игре. Обида не осталась незамеченной – валторнистка считала, что Дитер ведет себя мелочно. Однако в рейтинге тех, кто не нравился ей самой, Дитер находился куда ниже седьмого гитариста. В труппе на самом деле не было семи гитар, но у гитаристов возникла традиция не менять свои номера, когда их коллеги умирали или уходили из оркестра, так что сейчас в активе «Симфонии» числились четвертый, седьмой и восьмой. Местонахождение шестого оставалось под вопросом.

Репетиция «Сна в летнюю ночь» на парковке подошла к концу, и теперь участники растягивали фон для пьесы между повозками – «Симфония» пробыла в Сент-Деборе уже много часов, почему шестой так и не появился? В общем, возвращаясь к теме седьмого гитариста: он видел настолько плохо, что не мог выполнять большую часть ежедневной работы, связанную с починкой, охотой и так далее, но это было бы терпимо, найди он другой способ помогать, чего он не сделал. Вторая валторнистка считала его балластом. Седьмой гитарист, нервный и боязливый из-за почти полной слепоты, когда-то мог видеть относительно хорошо при помощи очков с толстыми линзами, однако потерял их шесть лет назад и с тех пор жил среди сливающегося в один зависящий от времени года цвет пейзажа: летом в основном зеленого, зимой – серого и белого. В поле его зрения вдруг появлялись расплывчатые фигуры, которые исчезали быстрее, чем он успевал понять, кто перед ним. Он не мог понять, что вызывает головную боль – попытки напрячься и хоть что-то увидеть или тревога от невозможности увидеть, кто к нему приближается. И ситуацию никак не улучшала первая флейта – она постоянно громко вздыхала, когда ему приходилось прерывать репетицию, чтобы переспросить ноты.

Однако первую флейту куда больше раздражала вторая скрипка. Август вечно пропускал репетиции, взламывая очередной дом вместе с Кирстен и до недавнего времени с Чарли. Словно он считал «Симфонию» сборищем мусорщиков, которые попутно исполняют музыку.

«Если ему ближе мусорщики, – заявила флейтистка четвертому гитаристу, – то почему к ним не присоединяется, м?»

«Ты же знаешь скрипачей», – ответил тот.

Август же злился на третью скрипку, которая любила отпускать оскорбительные комментарии о нем и Кирстен, хотя они были всего лишь близкими друзьями и даже заключили тайное соглашение по этому поводу – друзья навсегда и ничего больше, – когда однажды выпивали с

местными за разрушенной автобусной станцией на южной оконечности озера Гурон. А третья скрипка презирала первую из-за давнего спора о том, кто израсходовал последнюю баночку канифоли. Первая скрипка прохладно относилась к Саиду, ведь тот отверг ее заигрывания в пользу Кирстен, которая изо всех сил старалась не обращать внимания на привычку альтистки время от времени вставлять в речь французские словечки, как будто хоть кто-то еще во всей чертовой «Симфонии» знал этот язык. Альтистка тайком ненавидела еще кого-то, и так далее. И вся эта подборка мелких ревностей, неврозов, нераспознанных случаев посттравматического синдрома и кипящих обид жила, путешествовала и репетировала вместе триста шестьдесят пять дней в году. Да – благодаря дружбе, музыке и Шекспиру, мгновениям необыкновенной красоты и радости, когда становилось неважно, кто использовал последнюю канифоль или кто с кем переспал. Хотя кто-то – наверное, Саид – написал ручкой внутри повозки фразу «Сартр: ад – это другие». Рядом с последним словом еще кто-то приписал: «флейтисты».

Иногда люди покидали «Симфонию», но те, кто оставался, понимали нечто, о чем редко заговаривали вслух. Цивилизация сохранилась лишь в эдаком архипелаге из небольших городков. Их жители отбивались от диких животных, хоронили соседей, жили, умирали, страдали бок о бок в те кровавые годы, что последовали после катастрофы. Люди выживали, когда смерть казалась неминуемой, и держались вместе, пока не наступило затишье. В таких местах незнакомцев не очень-то жаловали.

«В маленьких городках было непросто и *тогда*», – однажды сказал Август в три часа ночи холодной весной около Нью-Феникса. Это был единственный раз, когда Кирстен с кем-то говорила на такую тему. Ей было пятнадцать (Августу соответственно восемнадцать), и она пропутешествовала с «Симфонией» всего год. В то время Кирстен почти не могла спать по ночам, поэтому часто сидела с дозорными. Август помнил жизнь до пандемии как бесконечную череду детей, которые окидывали его взглядом и выдавали что-то вроде «А ты не местный, да?» с разными акцентами. Подобные встречи перемежались постоянными переездами. Если в смехотворно простом мире, где еда лежала на полках супермаркетов, вода текла из кранов, а для путешествия достаточно было занять место в машине и ехать, оказывалось сложно прижиться в новом месте, сейчас это стало в десятки раз труднее. Ад составляли флейтисты или те, кто использовал последнюю канифоль, или те, кто пропускал большую часть репетиций. Однако правда заключалась в том, что труппа была их единственным домом.

После прогона «Сна в летнюю ночь» Кирстен стояла у повозок и с силой прижимала ладони ко лбу, стараясь отогнать головную боль.

- Ты в порядке? – спросил Август.
- Ад – это другие актеры, – сказала Кирстен. – И бывшие парни.
- Общайся с музыкантами. Думаю, мы зачастую более вменяемы.
- Хочу прогуляться, поискать Чарли.
- Я пошел бы с тобой, но сегодня отвечаю за обед.
- Ничего, сама схожу.

Город охватило вечернее оцепенение; солнце садилось за горизонт, а тени на дороге становились длиннее. Асфальт здесь, как и везде, постепенно исчезал, испещренный глубокими трещинами и рытвинами, сквозь которые пробивались сорняки. На краю тротуара, вдоль овощных грядок, росли полевые цветы, щекотавшие лепестками вытянутую руку идущей вперед Кирстен. Она миновала «Мотор-Лодж», где жили старейшие семьи города. Постиранное белье хлопало на ветру, двери в комнаты мотеля были открыты, а между помидорными грядками играл мальчишка с машинкой в руках.

Кирстен радовалась, что она наконец одна, вдали от шумной «Симфонии». Можно было смотреть на вывеску «Макдоналдс» и робко мечтать; если видеть только небо и вывеску, каза-

лась, что вокруг по-прежнему старый мир и Кирстен сейчас заглянет туда, чтобы перекусить бургером. В прошлый раз, когда она была в этом городе, в «Айхопе» жили три-четыре семьи, однако сейчас ресторанчик был заколочен, а поперек двери красовалась прибитая доска с нарисованным серебристой краской знаком – что-то вроде строчной «t» с еще одной черточкой ниже. Два года назад за Кирстен таскалась целая ватага ребятишек, а теперь она заметила только двоих – мальчика с игрушечной машинкой и девочку лет одиннадцати, которая наблюдала из-за двери дома. У заправки, окна которой закрывали куски простыней в цветочек, дежурил мужчина в зеркальных солнечных очках и с ружьем. Закрыв глаза, на шезлонге у бензоколонки лежала молодая женщина на позднем сроке беременности. Вооруженный человек посреди города заставлял задуматься, что здесь небезопасно – может, они недавно подверглись налету? – хотя вряд ли ситуация настолько плоха, раз беременная женщина спокойно загорает. Бессмыслица. В «Макдоналдсе» жили еще две семьи, куда они делись? Поперек его дверей была тоже прибита доска с таким же странным символом.

«Вендис» представлял собой низкое квадратное здание, которое кто-то словно слепил из набора разных элементов во времена, когда архитектурные принципы мало волновали строителей. А вот двери у ресторанчика были красивые – деревянные и массивные; кто-то даже вырезал ряд цветов вдоль резной ручки. Кирстен обвела пальцами их лепестки и только потом постучала.

Сколько раз за два года путешествий без подруги она представляла себе этот миг? Как постучит в дверь, украшенную цветами, как Чарли откроет с ребенком на руках, как шестой гитарист будет улыбаться за ее спиной, слезы и смех!.. «Я так по тебе скучала».

Ей открыла незнакомка.

– Добрый день, – поздоровалась Кирстен. – Я ищу Чарли.

– Простите, кого? – произнесла женщина без особой враждебности, но с непониманием на лице.

На вид женщина была одного возраста с Кирстен или, может, немного младше, очень бледной и тощей. Под глазами темнели круги.

– Чарли. Шарлотта Гаррисон. Она поселилась здесь примерно два года назад.

– Здесь, в «Вендис»?

– Да. – Ох, Чарли, где же ты?.. – Она моя подруга, виолончелистка. Осталась здесь с мужем, шес... то есть с Джереми. Она была беременна.

– Я здесь только год. Наверное, кто-нибудь их знает. Зайдете?

Кирстен шагнула в душный коридор. Он вел в общую комнату в дальнем конце здания, где раньше располагалась ресторанный кухня. Сквозь открытую заднюю дверь виднелось кукурузное поле – дюжина ярдов зеленых стеблей, после которых начиналась стена леса. В кресле у двери вязала пожилая женщина, местная акушерка.

– Мария? – позвала Кирстен.

Свет из двери так падал на Марию, что было невозможно разглядеть выражение ее лица.

– Ты из «Симфонии», – произнесла она. – Я тебя помню.

– Я ищу Чарли и Джереми.

– Мне жаль, они покинули город.

– Покинули? Почему? Куда они ушли?

Акушерка глянула на женщину, впустившую Кирстен в дом. Та опустила глаза. Обе молчали.

– Давно они отбыли?

– Чуть больше года назад.

– Она родила?

– Девочку, Аннабель. Здоровенькую.

– И больше вы мне ничего не скажете?

В голове Кирстен возникла приятная картина, как она держит нож у горла акушерки.

– Алисса, – обратилась Мария ко второй женщине, – милая, ты так бледна. Может, приляжешь?

Алисса скрылась за занавешенной дверью. Акушерка быстро встала.

– Твоя подруга отвергла знаки внимания пророка, – прошептала она на ухо Кирстен. – Им пришлось покинуть город. Хватит задавать вопросы, вели своим людям как можно скорее уезжать.

Затем акушерка вернулась к вязанию.

– Спасибо, что заглянула, – произнесла она громко, чтобы было слышно в соседней комнате. – «Симфония» сегодня выступает?

– Будет «Сон в летнюю ночь». В сопровождении оркестра.

Кирстен едва справлялась с голосом. Ей даже не приходило в голову, что, когда спустя два года труппа вернется в Сент-Дебору, Чарли и Джереми уже здесь не будет.

– Город кажется другим, – сказала она.

– О, – радостно отозвалась акушерка, – это точно! Он совсем другой.

Кирстен шагнула за порог. Дверь закрылась. Девочка, которую Кирстен заметила ранее, проследила за ней и теперь стояла на другой стороне улицы. Кирстен кивнула, и девочка ответила тем же. Серьезный, неряшливый ребенок, за которым явно никто не следит – волосы спутаны, воротник футболки порван. Кирстен хотела было подзвать девочку и спросить, не знает ли она, куда отправились Чарли с Джереми, но в ее взгляде было нечто пугающее. Кто-то приказал ей следить?.. Кирстен пошла дальше по дороге, притворяясь, что ее интересует лишь прогулка – свет закатного солнца, полевые цветы, скользящие в порывах ветерка стрекозы. Оглядываясь через плечо, Кирстен видела, как девочка упорно держится позади.

Два года назад они шли по этой дороге с Чарли, пытаясь оттянуть неизбежный момент расставания. «Два года пролетят быстро», – сказала Чарли. Так и произошло, если задуматься. Дорога к Кинкардину, потом обратно вдоль побережья и вниз по течению реки Сент-Клэр, зима в одном из рыбацких городков. «Гамлет» и «Лир» в мэрии, которая раньше была спортзалом старшей школы. Болезнь, охватившая «Симфонию» весной, высокая температура и рвота. Выздоровели все, кроме третьего гитариста – теперь он в могиле у обочины за чертой Нью-Феникса... и снова в путь. И я всегда думала о тебе, Чарли.

Кто-то шел ей навстречу. Солнце светило сквозь верхушки деревьев, покрывая дорогу тенями, поэтому Кирстен не сразу узнала Дитера.

– Нам пора возвращаться, – произнесла она.

– Сперва я должен тебе кое-что показать. Обязательно.

Судя по тону, Дитера что-то тревожило. По пути Кирстен передала ему слова акушерки. Дитер нахмурился.

– Так и сказала – покинули город? Ты уверена?

– Конечно. А что?

На северной окраине когда-то начинали строить новое здание – фундамент залили как раз перед вспышкой грузинского гриппа. Осталась бетонная площадка с металлическими штырями, поросшая лозой. Дитер сошел с дороги и повел Кирстен по тропинке, уходящей за стройку.

Кладбища есть в каждом городе, и Сент-Дебора не исключение, хотя могил здесь стало куда больше с тех пор, как два года назад сюда забрели Кирстен и Чарли. Между заброшенным фундаментом и лесом располагались аккуратные ряды из, наверное, трехсот надгробий. На зеленой траве выделялись новые, свежепокрашенные белым, и Кирстен разглядела имена еще издалика.

– Нет, – выдохнула она, – о нет, пожалуйста...

– Там не они, – сказал Дитер. – Я должен тебе показать, но их там нет.

Три надгробия в тени, ровные черные буквы: *Чарли Гаррисон, Джереми Лен, Аннабель (младенец)*. И дата одна и та же: *20 июля, 19 год*.

– Их там нет, – повторил Дитер. – Посмотри на землю. Под надгробиями никто не похоронен.

И верно: старые надгробия на дальнем конце кладбища были явно установлены поверх могил – холмиков земли. Так продолжалось до тех, что появились примерно полгода назад. Тогда начались странности: многие могилы выглядели настоящими, а у других, включая Чарли, Джереми и Аннабель, похоже, были одни надгробия, установленные на идеально ровной, нетронутой земле.

– Чушь какая-то... – пробормотала Кирстен.

– Спроси у своей тени.

С края кладбища за ними следила девочка, которая прошла за Кирстен через весь город.

– Эй! – позвала Кирстен.

Девочка отшатнулась.

– Ты знала Чарли и Джереми?

Она оглянулась, затем еле заметно кивнула.

– Они?.. – Кирстен указала на могилы.

– Ушли, – очень тихо сказала девочка.

– Оно говорящее! – воскликнул Дитер.

– Когда они... – начала Кирстен, но не успела закончить.

Нервная девочка не выдержала и рванула прочь.

Вскоре после их возвращения к «Волмарту» в лагерь вернулся и тубист. Он разыскал старого знакомого, живущего в мотеле. Тот поведал, что здесь была эпидемия. От лихорадки полегло тридцать человек, включая мэра. Затем произошла смена власти; знакомый тубиста отказался пояснить, что имел в виду. Однако он все-таки добавил, что с тех пор город покинули двадцать семей, включая Чарли и Джереми. Никто не знал, куда они отправились, и он советовал тубисту не расспрашивать.

– Смена власти, – проворчала дирижер. – Как у них тут все структурировано.

Некоторое время они продолжили обсуждать могилы. Зачем они, если никто не умер? Или это на будущее?..

– Акушерка упомянула какого-то пророка, – напомнила Кирстен.

– Да, чудесно. – Саид мрачно открывал упаковку свечей. Шестой гитарист был его близким другом. – То что надо в каждом городе.

– Кто-то же должен знать, куда они отправились, – пожала плечами дирижер. – Они должны были с кем-то поделиться. У вас еще есть здесь друзья?

– Я знал парня, жившего в «Айхопе», – заговорил третий виолончелист. – Днем наведался, а там все заколочено, и в «Мотор-Лодже» сказали, что в прошлом году он ушел из города. И никто не говорит, куда отправились Чарли и Джереми.

– Здесь никто ничего не говорит. – Кирстен хотелось расплакаться, но она устояла на асфальт, перекатывая камешек ногой.

– Как мы могли их здесь оставить?.. – Лин встряхнула костюм феи – серебристое коктейльное платье, блестящее, словно чешуя, – и в воздух взвилось облачко пыли. – Могилы. Я даже не могу...

– Города меняются. – Гил стоял у третьей повозки, опираясь на трость, и смотрел на здания и огороды Сент-Деборы, на вуаль из полевых цветов, обрамляющую дорогу. Вывеска «Макдоналдс» отразила последний луч солнца. – Кто мог предвидеть...

– Может, есть какое-то объяснение, – с сомнением произнес третий виолончелист. – Они уехали, а люди, например, решили, что умерли?

– Пророк, – сказала Кирстен. – Надгробия с их именами. Акушерка посоветовала не задавать вопросов и поскорее отсюда убираться. Я не упоминала?

– Упоминала. Раз шесть, – бкнул Саид.

Дирижер вздохнула.

– Мы не можем уехать, пока не разберемся. Давайте готовить вечернюю программу.

Повозки стояли вплотную, и на них висел фон – сшитые простыни, потемневшие от многолетних путешествий, с нарисованным лесом. Александра и Оливия насобирали веток и цветов для полноты картины. Края сцены обозначили сотней свечей.

– Я поговорил с нашей бесстрашной главой, – рассказал Август Кирстен позже, настраивая инструмент перед выступлением, – и она считает, что Чарли с шестым гитаристом отправились на юг, вдоль берега озера.

– Почему на юг?

– Потому что на западе вода, а на север они не пошли. Мы встретили бы их по дороге.

Солнце почти скрылось за горизонтом, и жители Сент-Деборы начали стягиваться на представление. Куда меньше, чем раньше – на гравии бывшей парковки в два ряда разместились от силы тридцать человек с мрачными лицами. У первого ряда, вывалив язык, лежала серая, похожая на волка собака. Девочки, которая преследовала Кирстен, видно не было.

– А на юге вообще что-нибудь есть?

Август пожал плечами.

– Побережье. Должно ведь что-то быть между этими местами и Чикаго, как думаешь?

– Может, они ушли в глубь земель.

– Вариант, но они знают, что мы туда никогда не заходим. Они отправились бы туда, если бы только не хотели с нами больше встретиться, а зачем им?.. – Август покачал головой.

– У них девочка, – произнесла Кирстен. – Аннабель.

– Так звали сестру Чарли.

– По местам, – скомандовала дирижер, и Август ушел к остальным струнным.

11

Что было утрачено во время катастрофы? Почти все, почти все. Однако остается красота. Сумерки в новом мире, постановка «Сна в летнюю ночь» в городке со странным названием Сент-Дебора-на-воде, блеск озера Мичиган вдали. Кирстен в роли Титании с короной из цветов на коротко стриженных волосах; шрам на скуле, почти невидимый при свете свечей. Вокруг Кирстен кружит Саид в смокинге, который она обнаружила в шкафу умершего человека около Ист-Джордана.

– Стой, дерзкая. Иль я тебе не муж?

– Да, я – твоя жена.

Строки пьесы, написанной в 1594 году, когда театры Лондона вновь открыли двери после двух лет чумы. Или, возможно, созданной на год позже, в 1595-м, за год до смерти единственного сына Шекспира. Спустя столетия на далеком континенте Кирстен проходит по сцене в облаке цветной ткани, исполненная злости и любви. На ней свадебное платье, которое она добыла в Нью-Петоски – шифон и шелк с акварельными полосами.

– Чтоб наших игр, – продолжает Кирстен, – ты не нарушил ссорой. – В эти мгновения она чувствует себя как никогда живой. На сцене она ничего не боится. – И ветры, видя, что дуют напрасно, как будто мстя, из моря извлекли губительный туман...

«Несущий смерть» – сноска у слова «губительный» в любимой версии пьесы Кирстен из трех, которыми располагает «Симфония». Шекспир был третьим ребенком, но первым, кто

пережил младенчество. Четверо его братьев и сестер умерли еще детьми. Его собственный сын, Хемнет, умер в возрасте одиннадцати лет, оставив свою сестру-двойняшку одну. Чума вновь и вновь закрывала театры, по землям бродила смерть. А сейчас, когда сумерки разгоняют свечами – век электричества начался и подошел к концу, – Титания поворачивается к царю эльфов.

– Луна, владычица морских приливов, бледна от гнева, увлажняет воздух, и множатся простудные болезни.

Титания говорит словно сама с собой, позабыв про Оберона. Голос разносится над тихими зрителями, над струнной группой оркестра, что ждет сигнала слева от сцены.

– От этого разлада поры года смешались.

Все три повозки «Дорожной симфонии» подписаны ее названием, белыми буквами по обеим сторонам каждой, но на ведущей значится еще одна строка: «Потому что выживания недостаточно».

12

Зрители поднялись, продолжая аплодировать. Кирстен пребывала в некоей отрешенности, которая всегда охватывала ее в конце представления, словно взлетаешь высоко в воздух и никак не приземлишься полностью, потому что душа еще рвется из груди. Мужчина в первом ряду прослезился. А человек во втором ряду – его Кирстен заметила ранее, он единственный, кто сидел на стуле, который женщина принесла с заправки – поднялся и вскинул руки вверх, пробираясь вперед. Хлопки стихли.

– Люди мои, – произнес мужчина. – Прошу, сядьте.

Лет тридцати, высокий, со светлыми волосами до плеч и бородой, он перешагнул через полукруг из свечей и встал рядом с актерами. Собака, лежавшая у сцены, как по команде села.

– Что за услада, – продолжил мужчина. – Что за чудесное зрелище.

Его лицо показалось Кирстен знакомым, но она не могла его вспомнить. Саид хмурился.

– Спасибо, – обратился мужчина к актерам и музыкантам. – Позвольте нам поблагодарить «Дорожную симфонию» за столь прекрасный отдых от ежедневных забот.

Он улыбался. По знаку зрители вновь захлопали, но уже не так громко.

– Это дар свыше, – проговорил он и поднял руки.

Аплодисменты тут же прекратились. Пророк.

– Это дар свыше, что сегодня среди нас музыканты и актеры.

Что-то в его голосе вызвало у Кирстен желание убежать, словно за каждым словом скрывалась ловушка.

– Мы благословенны во многом и превыше всего в том, что сегодня мы живы. Мы должны спросить себя – почему? Почему нас пощадили?

Он умолк, обводя взглядом труппу и собравшихся зрителей.

– Я полагаю, – продолжил пророк, – что все, происходившее когда-либо на этой земле, случается не без причины.

Дирижер стояла у струнных, сжав руки за спиной и не шевелилась.

– Братья мои, ранее этим днем я размышлял о гриппе, о великой пандемии, и позвольте задать вам вопрос. Задумывались ли вы о совершенстве вируса?

Раздались изумленные вздохи и бормотание, однако пророк поднял руку и люди стихли.

– Задумайтесь... те, кто помнит мир до грузинского гриппа, задумайтесь о болезнях, предшествовавших ему, о легких вспышках, от которых нас прививали с детства, о гриппах прошлого. В тысяча девятьсот восемнадцатом случилась эпидемия, народ мой, и здесь все очевидно – сие было божественной карой за грязь и резню Первой мировой войны. Но после, на протяжении десятилетий? Грипп, хотя и возвращался каждый год, был слаб и уносил жизни

лишь самых старых и самых юных. А затем возник вирус, безжалостный, как ангел мщения, бактерия, уничтожившая населения павшего мира на... на сколько? К тому времени уже не осталось специалистов по статистике, ангелы мои, но можем ли мы сказать, что на девяносто девять целых и девяносто девять десятых? Из каждых двухсот пятидесяти или трехсот человек остался один? Я считаю, мои дорогие, что столь смертоносная сила может быть лишь божественной. Ведь все мы читали о подобном очищении земли, верно?

Кирстен переглянулась с Дитером через сцену. В постановке он исполнял роль Тезея. Дитер нервно теребил запонки.

– Грипп – великая чистка, которую мы пережили двадцать лет назад, стал нашим всемирным потопом. Свет, что мы несем в себе, – это ковчег, который держал Ноя и его людей на поверхности страшных вод, и я считаю, что мы были спасены, – пророк все повышал голос, – не только, чтобы нести свет, но чтобы им быть! Нас пощадили, потому что свет – это мы. Мы чисты.

По спине Кирстен стекал пот. А ведь платье уже пованивает, отстраненно заметила она. Когда его в последний раз стирали?.. Пророк продолжал разглагольствовать о вере, свете и судьбе, божественных замыслах, явившихся ему во снах, и приготовлениях, которые люди должны сделать перед концом света, – «поскольку мне во сне открылось, что чума, пришедшая двадцать лет назад, была лишь началом, ангелы мои, лишь избавлением от нечистых. Что прошлогодний мор был прелюдией и грядут еще чистки, множество их...». В конце проповеди он подошел к дирижеру и что-то тихо ей сказал. Она ответила, и пророк отступил со смехом.

– Откуда мне знать, – сказал он. – Люди приходят и уходят.

– М-да? А поблизости есть города, может, южнее, куда люди обычно направляются?

– Поблизости нет городов, – ответил пророк. – Хотя все, – он улыбнулся, глядя через плечо на толпу, и повысил голос, – все, конечно же, вольны уйти при желании.

– Естественно. Иного я и не ожидала. Странно лишь, что они отправились в путь, зная, что мы за ними вернемся.

Пророк кивнул. Кирстен придвинулась ближе, желая подслушать разговор. Остальные актеры тихонько покидали сцену.

– Когда мои люди и я, – произнес пророк, – говорим о свете, мы имеем в виду порядок. Здесь царит порядок. Те, у кого в сердцах властвует хаос, не могут жить с нами.

– Извините меня за любопытство, я еще хотела спросить о надгробиях на кладбище.

– Вопрос не лишен оснований, – кивнул пророк. – Вы уже какое-то время в дороге, так?

– Да.

– Ваша «Симфония» путешествует с самого начала?

– Почти. С пятого года.

– А вы? – Пророк вдруг повернулся к Кирстен.

– Я в дороге с первого года.

Отвечая, она немного покривила душой, ведь она совершенно не помнила этот первый год.

– Если вы пробьили в пути так долго, – сказал пророк, – если вы скитались всю жизнь, как и я, сквозь жуткий хаос, если вы все помните, тогда вы знаете, что умереть можно не только одним способом.

– О, я видела многое, – проговорила дирижер, и Кирстен заметила, что она с трудом держит себя в руках. – От утопления до обезглавливания и смерти, но ни один из способов не объясняет...

– Вы меня не понимаете, – прервал ее пророк. – Я говорю не о банальной физической смерти. Есть смерть тела, а есть смерть души. Я видел, как моя мать умерла дважды. Когда падшие ускользают без разрешения, мы устраиваем похороны и возводим для них надгробия, ведь для нас отступники мертвы.

Пророк глянул на Александру, которая собирала со сцены цветы, и что-то тихо сказал дирижеру на ухо. Она отшатнулась.

– Исключено, – произнесла дирижер. – И речи быть не может.

Пророк внимательно посмотрел на нее, а затем отвернулся. Он пробормотал что-то мужчине в первом ряду, стрелку, который утром охранял заправку, и они вместе ушли прочь от «Волмарта».

– Лули! – бросил пророк через плечо. Собака потрусилась за ним следом.

Зрители расходились, и совсем скоро на парковке остались только участники «Симфонии». Никто не задержался с ними поговорить, чего еще никогда не случалось.

– Быстро, – скомандовала дирижер. – Запрягайте лошадей.

– А я думала, мы на пару дней задержимся, – скривила рожицу Александра.

– Это секта конца света, – кларнетистка снимала фон для «Сна в летнюю ночь». – Ты что, не слушала?

– Но когда мы здесь были...

– Город уже совсем другой. – Нарисованный лес пошел складками и бесшумно сполз на землю. – В некоторых местах не замечаешь, что все вокруг падают замертво, пока не выпьешь отравленного вина.

Кирстен опустилась на колени, помогая кларнетистке сложить ткань.

Труппа двинулась в путь через считанные минуты, выбрав дорогу за «Волмартом», что уходила прочь от центра города. Впереди, у обочины, мерцал небольшой костерок. Рядом обнаружился мальчишка, караульный, который жарил на огне насаженного на ветку зверька, наверное, белку. В большинстве городов на въездах всегда сидели люди со свистками, ведь было бы неплохо получить хоть какой-то знак, если в город войдут мародеры. Однако здешний караульный был столь юным и невнимательным, что, видимо, тут располагался не самый опасный пост.

– Есть разрешение покинуть город? – крикнул он.

Дирижер махнула первой флейтистке, которая управляла лошадьми ведущей повозки, мол, не останавливаться, и подошла к мальчишке.

– Добрый вечер, – поздоровалась она.

Кирстен остановилась в нескольких шагах, слушая разговор.

– Ваше имя? – с подозрением спросил мальчик.

– Меня называют дирижером.

– Это ваше имя?

– Единственное имя, которое я использую.

– У вас есть разрешение покинуть город?

– Когда мы были здесь в прошлый раз, никакого разрешения не требовалось.

– Сейчас по-другому. – У мальчика еще даже не сломался голос.

– А если у нас нет разрешения?

– Ну, – сказал мальчик, – когда люди уходят без разрешения, мы проводим их похороны.

– А если они возвращаются?

– Если мы уже провели похороны... – начал мальчик, но не смог закончить фразу.

– Ну и местечко, – буркнул четвертый гитарист. – Чертов гадюшник. – Проходя мимо, он коснулся руки Кирстен. – Лучше не задерживайся, Кики.

– То есть ты не советуешь возвращаться? – спросила дирижер.

Мимо проехала последняя повозка. Саид, замыкающий шествие, схватил Кирстен за плечо и потащил вперед.

– Тебе что, опасностей мало? – прошипел он. – Шагай давай.

– Не говори мне, что делать.

– Тогда не будь душой.

– А вы возьмете меня с собой? – донесся вопрос мальчика.

Дирижер что-то ответила, а когда Кирстен оглянулась, мальчик уже глядел вслед уезжающей «Симфонии», позабыв про свою жареную белку.

Ночь стала прохладнее. Тишину нарушали только стук копыт по испещренному трещинами асфальту, поскрипывание повозок, шаги артистов, шуршащие звуки леса. В воздухе пахло соснами, полевыми цветами и травой. Звезды светили настолько ярко, что повозки отбрасывали на дорогу косые тени. «Симфония» так быстро покинула город, что актеры даже не успели снять костюмы. Кирстен придерживала платье Титании, чтобы не запнуться. Когда Саид, странный и непривычный в смокинге Оберона, оглядывался, в темноте ярким пятном мелькала его белая рубашка. Кирстен догнала дирижера, которая, как всегда, шла рядом с первой повозкой.

– Что вы сказали мальчику?

– Что мы не можем дать повод обвинить нас в похищении.

– А что вам сказал пророк после представления?

Дирижер мельком оглянулась.

– Сохранишь в тайне?

– Может, поделюсь с Августом.

– Конечно. Но больше никому.

– Хорошо, – согласилась Кирстен. – Больше никому.

– Он предложил оставить Александру в залог добрых отношений между «Симфонией» и городом.

– Оставить? Зачем?..

– Ему нужна новая невеста.

Вернувшись назад, Кирстен рассказала все Августу. Тот тихо выругался и покачал головой. Ничего не подозревающая Александра шла у третьей повозки, любуясь звездами.

Вскоре после полуночи устроили привал. Кирстен швырнула наряд Титании во вторую повозку и переделалась в платье из мягкого хлопка с кучей заплаток, которое всегда носила в жару. Ножи оттянули ремень, и стало спокойнее. Джексон и второй гобоист взяли двух лошадей и проскакали милою обратно к городу, а затем вернулись, убедившись, что за трупной никто не следует.

Дирижер и еще несколько старших артистов в свете луны изучали карту. В спешке они отправились по ближайшей дороге на юг вдоль западного берега озера Мичиган. Приемлемые прямые пути обратно к знакомой местности лежали или вновь через Сент-Добору, или мимо города, где в незнакомцев без предупреждения стреляли, или сквозь дикие земли, что во времена до катастрофы назывались национальным заповедником.

– А что мы знаем об этом заповеднике? – Дирижер хмуро смотрела на карту.

– Я голосую против, – заявил тубист. – Знакомый торговец однажды миновал эту зону и сказал, что делать там нечего, городов нет, а в лесах дикое зверье.

– Очаровательно. А что насчет юга, вдоль берега?

– Ничего, – покачал головой Дитер. – Я говорил с человеком, который там бывал, правда, лет десять назад. По его словам, там почти нет населения, но подробностей я не помню.

– Десять лет назад, – заметила дирижер.

– Тем более. Но смотрите, если мы пойдем дальше на юг, нам все равно придется повернуть к диким землям, если вы, конечно, не мечтаете увидеть, что стало с Чикаго.

– А вы слышали историю о снайперах в Сирс-тауэр? – спросил первый виолончелист.

– Я был ее свидетелем, – сказал Гил. – Разве южнее, у Северн-Сити, нет поселения? В бывшем аэропорту, если я правильно помню.

– Я тоже об этом слышала. – Дирижер колебалась, что было на нее непохоже. – Мы ведь уже годами обсуждаем, что следует расширить нашу территорию, так?

– Рискованно, – отозвался Дитер.

– Жить вообще рискованно. – Дирижер свернула карту. – У меня не хватает двух артистов, и я все еще думаю, что они отправились на юг. Если в Северн-Сити живут люди, то, возможно, они подскажут, как нам лучше выйти на привычный маршрут. Продолжим двигаться вдоль берега.

Кирстен вскарабкалась на место кучера второй повозки, чтобы выпить немного воды и отдохнуть. Она сбросила с плеч рюкзак, детский, с потрескавшимся и потускневшим изображением Спайдермена. В рюкзаке Кирстен держала минимум вещей: две бутылки с водой, в которых во времена былой цивилизации был холодный чай «Липтон», свитер, обрезок ткани, чтобы повязывать на лицо в пыльных домах, моток проволоки, чтобы вскрывать замки, папка с подборкой журнальных вырезок и комиксами о докторе Одиннадцать, а также пресс-папье.

От пресс-папье, гладкого куска стекла размером со сливу, не было никакой пользы – оно лишь добавляло весу, однако Кирстен считала его красивым. Эту вещицу перед самой катастрофой ей подарила женщина, имя которой Кирстен не помнила. Она на мгновение сжала в руке пресс-папье, а потом вернулась к папке.

Кирстен нравилось просматривать вырезки, это уже вошло в привычку и успокаивало. Картинки из мира теней, времен до грузинского гриппа, сливались в сплошные пятна при свете луны, но Кирстен помнила каждую черточку. Артур Линдер со второй женой, Элизабет, и их крошечным сыном, Тайлером, на веранде ресторана. Артур с третьей женой, Лидией, несколько месяцев спустя. Артур с Тайлером в аэропорту. Еще более старая фотография, которую Кирстен обнаружила на чердаке, полном журналов. Снимок, сделанный еще до ее рождения: Артур обнимает бледную девушку с темными кудрями, которая вскоре станет его первой женой. Фотограф поймал их на выходе из ресторана – Артура ослепило вспышкой, а лицо девушки полускрыто солнечными очками.

Часть третья

В короне ты мне нравишься больше

13

Снимок из желтой прессы.

Артур Линдер и девушка стоят возле гардероба ресторана в Торонто. Пандемия разражается очень нескоро. Цивилизация проживет еще четырнадцать лет. Артур всю неделю провел на съемках исторической драмы, частично в павильоне, а частично в парке на окраине города. Утром на нем была корона, а сейчас – бейсболка команды «Торонто Блю Джейс». Артуру тридцать шесть лет.

– Что будешь делать? – спрашивает он.

– Уйду от него.

Они разговаривают шепотом, чтобы не услышали работники ресторана. У девушки, Миранды, на лице свежий синяк.

– Хорошо. – Артур смотрит на синяк, который Миранде не удалось полностью скрыть косметикой. – Наконец-то. Что нужно?

– Не знаю, – отвечает Миранда. – Прости за все это. Я просто не могу вернуться домой.

– Есть предложение...

Артур умолкает – подходит девушка с их верхней одеждой в руках. Пальто Артура – великолепное, мягкое и дорогое, а Миранды – изношенное и короткое, купленное в секонд-хенде за десять долларов. Надевая его, Миранда отворачивается, чтобы скрыть порванную подкладку. Судя по улыбке администратора, попытка напрасная. Артур, который к этому времени уже невероятно известен, тоже сверкает улыбкой и незаметно передает гардеробщице двадцать долларов. Девушка-администратор тайком жмет кнопку телефона и отправляет сообщение фотографу, что успел заплатить ей целых пятьдесят. За дверью ресторана фотограф читает эсэмэс: «Выходят».

– Как я и говорил, – бормочет Артур над ухом Миранды, – тебе лучше остаться у меня.

– В отеле? Я не могу... – шепчет она.

– Я настаиваю. И ни к чему не обязываю.

Миранда на мгновение отвлекается на гардеробщицу, которая с обожанием смотрит на Артура.

– Не обязательно решать прямо сейчас, – продолжает он шепотом. – Это просто место, где ты, если хочешь, можешь пожить.

К глазам Миранды подступают слезы.

– Я не знаю, что...

– Просто скажи «да».

– Да. Спасибо.

Администратор открывает дверь, и Миранда вдруг понимает, что наверняка выглядит жутко – синяк на лице, красные слезящиеся глаза.

– Подожди, – просит она, копаясь в сумочке. – Секундочку...

Миранда надевает огромные солнечные очки, которые носила днем. Артур обнимает ее за плечи, фотограф на улице поднимает камеру, и пара шагает к ослепляющей вспышке.

– Так вот, Артур...

Журналистка красива, как люди, которые тратят невероятное количество денег на уход за собой. Поры кожи профессионально очищены, стрижка стоит четыреста долларов, макияж безупречен, ногти стильно покрашены. Когда журналистка улыбается, Артур невольно отмечает неестественную белизну ее зубов, хотя он уже годами обитает в Голливуде и к подобному привык.

– Расскажите-ка нам о таинственной брюнетке, с которой мы вас видели.

– Думаю, таинственная брюнетка имеет право на частную жизнь, не так ли? – Улыбка Артура тщательно выверена – она сглаживает упрек, делая его очаровательным.

– Ничего о ней не поведаете? Может, хотя бы намекнете?

– Она из моего родного города, – отвечает Артур и подмигивает.

На самом деле не из города, а с острова.

«Он такого же размера и формы, как Манхэттен, – всю жизнь рассказывает Артур на вечеринках, – но живет там лишь тысяча человек».

Остров Делано расположен между Ванкувером и побережьем провинции Британская Колумбия, прямо на север от Лос-Анджелеса. Остров покрыт лесом и скалистыми пляжами. Дикие животные пробираются в огороды или выпрыгивают на дорогу прямо перед автомобилем. На низко свисающих ветвях деревьев растет мох, в кронах кедров шумит ветер. Посреди острова есть маленькое озеро, почти идеально круглое и очень глубокое. Артур всегда воображал, что оно возникло из-за упавшего астероида. Одним летом молодая женщина покончила там с собой – припарковала на дороге машину, оставив в ней записку, и вошла в воду. Когда водолазы ныряли за ней, они «не смогли найти дно озера», как шептали друг другу местные дети, перепуганные и раззадоренные. Хотя, если подумать, через много лет мысль о столь глубоком озере, что водолазы не сумели достичь дна, кажется невозможной. Тем не менее женщина вошла в не такое уж большое озеро и на протяжении двух недель усердных поисков ее тело так и не нашли. Происшествие затмевает детские воспоминания, отбрасывая тревожную тень, которую Артур раньше не замечал. Ведь на самом деле это обычное озеро, где он любит плавать, как и все остальные, потому что вода в океане всегда ледяная. Артур вспоминает, как мать читала книгу под деревьями на берегу, младший брат в надувных нарукавниках плескался на мелководье, а на гладкую поверхность озера садились насекомые. На дороге в грязи по пояс была зарыта голая кукла Барби, никто не знает почему.

Дети на острове все лето ходят босиком и носят перья в волосах. «Фольксвагены», в которых их родители приехали туда в семидесятых, ржавеют в лесу. Каждый год приблизительно двести дней идут дожди. У паромной переправы находится небольшая деревенька: универсальный магазин с единственной бензоколонкой, магазин органических продуктов, агентство недвижимости, начальная школа с шестьюдесятью учениками, местный общественный центр с двумя массивными резными русалками, чьи руки образуют арку над входом, и крошечная библиотека. Остальную часть острова занимают скалы и лес.

Другими словами, никто из знакомых Артура в Нью-Йорке, Торонто или Лос-Анджелесе не бывал в таких местах. Заговаривая о родине, он натывается на непонимающие взгляды. Артур вечно пытается описать ее и в конце концов сводит все к пляжам и растениям.

«Наверное, там было очень красиво», – слышит он одни и те же реплики.

«Было, – соглашается Артур, – и есть». А потом меняет тему, потому что объяснить дальше куда сложнее. Да, там красиво. Самое прекрасное место, которое я только видел. Я любил его и всегда хотел оттуда сбежать.

В семнадцать лет он поступает в университет. Заполняет заявление на кредит для учебы, родители наскребают денег на авиабилет, и Артур улетает. Он думает, что хочет изучать экономику, но в Торонто осознает, что лучше займется чем угодно другим. Занятия кажутся ему

скучными и мучительно долгими. Я прилетел в этот город не за учебой, решает Артур, это лишь способ сбежать из дому. Через четыре месяца он бросает университет и принимается ходить по прослушиваниям, потому что девчонка с курса по торговой деятельности посоветовала ему стать актером.

Родители в ужасе, со слезами звонят Артуру по ночам. «Смысл был в том, чтобы уехать с острова», – говорит он им. Увы, объяснение не помогает. Родители любят остров и осознанно продолжают там жить. Однако через два месяца Артур получает большую роль в американском фильме, съемки которого проходят в Торонто, и выходную роль в канадском сериале. Артур не уверен, что вообще понимает, как надо играть, поэтому тратит все деньги на актерские курсы, где знакомится со своим лучшим другом Кларком. Следует прекрасный год – они неразлучны и ходят по вечеринкам, подделав удостоверения личности. Затем, когда им обоим уже по девятнадцать, Кларк, поддавшись давлению родителей, возвращается в Англию в университет, а Артур успешно проходит прослушивание в театральную школу Нью-Йорка. Он работает в ресторане и живет с четырьмя соседями в комнате над пекарней в Куинсе.

После выпуска из театральной школы Артур некоторое время топчется на месте. Ходит по прослушиваниям, работает официантом. Затем получает роль в сериале «Закон и порядок» – в Нью-Йорке есть хоть один актер, который там не снимался? – и благодаря этому находит себе агента. Также Артуру дают сквозную роль в одном из спин-оффов «Закона и порядка». Съемка в рекламе, два пилотных эпизода, так и не получивших продолжения. «Тебе однозначно надо приехать в Лос-Анджелес, – говорит режиссер второго, когда звонит Артуру с плохими новостями. – Перекантуешься у меня в гостевом доме, походишь по прослушиваниям, а дальше посмотрим». К тому времени Артура уже тошнит от холодов, поэтому он избавляется от небогатого скарба и садится на самолет.

В Голливуде он ходит по вечеринкам и получает роль солдата с тремя фразами, который гибнет в первые десять минут фильма. Потом ему дают куда более крупную роль, и тут начинается настоящее веселье – кокаин и льстивые девушки с гладкой кожей. Годы, что остаются в памяти серией вспышек: он сидит у бассейна в Малибу и пьет водку, разговаривая с девушкой, которая, по ее словам, нелегально прибыла из Мексики, пересекла границу, лежа в грузовике под грудой перца чили, когда ей было десять лет; Артур не знает, верить или нет, но она красива, поэтому он целует ее; она говорит, что позвонит, и исчезает навсегда; он едет в кабриолете с друзьями, они подпевают радио, а Артур смотрит, как над головой мелькают пальмовые ветви; он танцует с девушкой под *Don't Stop Believin'* – его любимую песню, что он хранит в тайне – в подвальном гавайском баре какого-то парня, а потом словно происходит чудо и Артур вновь встречает ее через неделю на другой вечеринке, ту же девушку в этом безграничном городе; она улыбается с полуприкрытыми глазами и, взяв Артура за руку, ведет на задний двор, чтобы полюбоваться рассветом. К тому времени Лос-Анджелес уже не кажется столь необыкновенным, однако там, на Малхолланд-драйв, Артур вдруг понимает, что разгадал еще не все тайны, что видел еще не все – как море огней постепенно тускнеет, уступая восходящему солнцу, как девушка легонько проводит ногтями по его руке.

«Люблю этот город», – говорит Артур. Полгода спустя, при расставании, она бросает эту фразу ему в лицо: «Ты любишь этот город, но никогда не станешь его частью, тебе никогда не дадут главную роль». Ему уже двадцать восемь, и ход времени тревожно ускоряется. Вечеринки теперь совсем дикие, и Артур дважды оказывается у дверей реанимации, ожидая новостей о состоянии товарищей, заработавших передоз от странной смеси алкоголя и рецептурных препаратов. Одни и те же люди на вечеринке за вечеринкой, сцены утомительного распутства в лучах восходящего солнца, всеобщий паршивый вид. Сразу после двадцать девятого дня рождения Артур получает главную роль в малобюджетном фильме о неудавшемся ограблении банка; к его удовольствию, съемки проходят в Торонто. Артуру нравится мысль, что он вернется в Канаду с триумфом. Да, эгоистично, но что поделать.

Как-то вечером Артуру звонит мать: помнит ли он Сюзи, женщину, которая, когда он был маленьким, работала в кафе при универсальном магазине? Конечно, помнит! У него сохранились смутные воспоминания, как она ставила перед ним тарелку блинчиков. В общем, несколько лет назад к Сюзи переехала племянница, хотя причины этого так и остались неизвестными, несмотря на любовь местных к выживанию даже мельчайших слухов. Племяннице, Миранде, уже семнадцать, и она очень целеустремленная. Девушка недавно перебралась в Торонто, чтобы поступить в художественный колледж; не мог бы Артур пригласить ее пообедать?

«Зачем? – спрашивает он. – Мы незнакомы. Ей всего семнадцать. Будет неловко».

Он терпеть не может неловкие ситуации, поэтому изо всех сил старается их избегать.

«У вас много общего, – отвечает мать. – Вы оба перескочили через класс в школе».

«Много?»

Артур вдруг ловит себя на мысли: «Она же поймет, откуда я». Он постоянно чувствует себя потерянным, как при высокой температуре. Над ним довлеет вопрос: как я оттуда добрался сюда? Есть мгновения – на вечеринках в Торонто, Лос-Анджелесе, Нью-Йорке, – когда он рассказывает об острове Делано и замечает на лицах собеседников одно и то же выражение, заинтересованное, но слегка скептическое, будто Артур утверждает, что вырос на поверхности Марса. Понятное дело, об этом острове почти никто не слышал. Когда в Торонто Артур упоминает, что он из Британской Колумбии, люди постоянно отзываются, что любят Ванкувер, словно город из стекла в четырех часах пути на двух паромах от родины Артура имеет с ней что-то общее. Дважды, когда в Лос-Анджелесе Артур говорил, что он из Канады, его спрашивали об иглу. Некий прекрасно образованный житель Нью-Йорка выслушал рассказ Артура о его родине – юго-запад Британской Колумбии, островок между Ванкувером и материковой частью провинции – и со всей серьезностью задал вопрос: значит, Артур вырос неподалеку от штата Мэн?

«Позвони Миранде, – просит мать. – Просто пообедаете».

Миранда в свои семнадцать необычайно хорошо сложена и очень симпатичная, светлокожая и сероглазая, с темными кудрями. Она входит в ресторан, впуская порыв холодного ветра. На ее волосах и пальто – январская изморозь. Артура сразу поражает ее манера держаться, Миранда кажется куда старше своего возраста.

«Как вам Торонто?» – спрашивает Артур.

Не просто симпатичная, понимает он. Миранда красива, пусть это и не сразу бросается в глаза. Она – полная противоположность девушек Лос-Анджелеса, загорелых блондинок в обтягивающих футболках.

«Очень нравится».

Внезапное осознание, почти откровение: Миранда может идти по улице, *и совершенно никто ее не узнает*. Возможно, те, кто не рос в маленьких поселениях, не поймут всю прелесть подобного – как анонимность в больших городах походит на свободу. Миранда начинает рассказывать о своем парне Пабло, тоже художнике, и Артур заставляет себя улыбаться. Она устает говорить о собственной жизни и спрашивает о нем. Артур пытается объяснить всю невероятность мира, в который попал, где незнакомые ему люди знают его. Насколько он любит Лос-Анджелес и как это место выжимает из него все соки. Как он теряется, думая об острове Делано и сравнивая его со своей нынешней жизнью. Миранда никогда не была в Штатах, хотя жила в двухстах милях от границы с ними. Артур видит, как девушка силится представить его жизнь там. Наверное, в ее мыслях обрывки фильмов и фотосессий для журналов.

«Вам нравится быть актером?»

«Да, чаще всего».

«Как чудесно – получать деньги за любимое дело», – говорит Миранда, и Артур соглашается. В конце встречи она благодарит его за обед, и они уходят вместе. На улице холодно, на грязный снег падают лучи солнца. Позже Артур будет вспоминать это время, как золотой период, когда они с Мирандой могли вместе выходить из ресторана и никто не поджидал их с фотокамерами.

«Удачи с фильмом», – говорит она и садится в трамвай.

«Удачи в Торонто», – отвечает Артур, но Миранда уже не слышит.

Идут года, и он успешно отгоняет мысли о ней. Она далеко и очень юна. Он снимается во многих фильмах, перебирается в Нью-Йорк на восемнадцать месяцев, чтобы играть в пьесе Мэмета, затем обратно в Лос-Анджелес для сквозной роли в сериале для канала Эйч-би-оу. Артур встречается с другими женщинами, актрисами, и не только. Две из них настолько знамениты, что любой их выход в свет привлекает целый рой назойливых папарацци. К тому времени, как Артур возвращается в Торонто для съемок в очередном фильме, он тоже не может появиться на людях спокойно, его обязательно сфотографируют. Отчасти из-за того, что ему стали давать более масштабные и впечатляющие роли, а отчасти от того, что фотографы уже привыкли делать снимки, как он держит куда более известных женщин за руку. Агент хвалит его стратегию.

«Это не стратегия, – говорит Артур. – Они мне нравились».

«Конечно-конечно, – соглашается агент. – Шучу, без обид».

На самом ли деле Артур встречался с ними из симпатии или все-таки не переставал думать о собственной карьере? Вопрос неожиданно тревожит.

Артуру уже тридцать шесть, а Миранде – двадцать четыре. Он становится крайне, до неприятного известным. Он не ожидал такой славы, хотя и мечтал о ней тайком в двадцатилетнем возрасте. Только что с этим делать? Чаще всего ему стыдно. Например, он заселяется в «Ле Жермен» в Торонто, и девушка-администратор говорит, что это огромная честь для отеля – «я без ума от того детектива», – и Артур, как всегда, не знает, что отвечать. Он искренне не понимает, действительно ли девушке понравился фильм, или она хвалит из вежливости, или она хочет с ним переспать, или все вместе. Поэтому Артур улыбается и смущенно благодарит ее, а потом забирает карту-ключ и идет к лифтам, ощущая спиной взгляд девушки. Старается шагать уверенно, словно ничего не замечает, и вообще ему плевать, что на него пялится половина вестибюля.

Уже в номере Артур с облегчением садится на постель – он наконец один, никто на него не смотрит. Но в то же время он, как всегда в такие моменты, чувствует себя потерянным, опустошенным. А затем вдруг осознает, что надо сделать. И набирает номер, который хранил все эти годы.

14

Когда Артур Линдер звонит вновь, Миранда на рабочем месте. Она помощник по административной работе в транспортной компании «Нептун логистикс» и мирно проводит дни за столом в форме подковы рядом с кабинетом босса, молодого директора по имени Леон Превант. Дверь в кабинет почти всегда закрыта, ведь босс постоянно в командировках. На полу помещения – серое ковровое покрытие, из окна во всю стену видно озеро Онтарио. Если появляются какие-то дела, Миранда чаще всего справляется с ними за пару часов, поэтому может целый день рисовать – она работает над серией комиксов – и устраивать долгие перерывы на кофе, во время которых ей нравится стоять у стеклянной стены и смотреть на озеро. В такие моменты у нее создается впечатление, будто она висит в воздухе, парит над городом. Водная гладь, линия горизонта в обрамлении других стеклянных небоскребов, а вдали – крошечные лодочки.

Раздается тихий перезвон – пришло электронное письмо. В период, когда место Миранды занимал некомпетентный временный сотрудник – «зима тревоги нашей», как называет это время босс, – Леон стал доверять планирование своих командировок Тее, помощнице своей подчиненной Ханне. Тея, безупречная и организованная, чем Миранда восхищается, только что перенаправила электронное подтверждение бронирования для командировки Леона в Токио в следующем месяце. В присутствии Теи Миранда чувствует себя неряхой с торчащими во все стороны кудряшками. У Теи идеально уложенные блестящие волосы и великолепно подобранная одежда. Помада Миранды всегда или слишком яркая или слишком темная, каблуки – или чересчур высокие или чересчур низкие. Все чулки – дырявые на ступнях, поэтому их приходится носить только с определенными туфлями. Да и у туфель изношенные каблуки, которые приходится аккуратно подкрашивать маркером.

С одеждой проблемы. Большую часть рабочего гардероба Миранда покупает в стоковом магазинчике неподалеку от Янг-стрит. В примерочных, в свете ламп, вещи всегда кажутся нормальными. Однако как только Миранда попадает домой, они вдруг становятся ужасными. Акриловая юбка блестит, а блузка из синтетики неприятно липнет к коже, все смотрится дешево и огнеопасно.

«Ты же человек искусства, – сказал тем утром ее парень Пабло, наблюдая, как Миранда пыталась поддеть что-нибудь под севшую после стирки блузку. – Зачем тебе подстраиваться под какой-то дерьмовый корпоративный дресс-код?»

«Потому что это входит в мою работу».

«Моя бедная корпоративная девочка, – произнес он. – Совсем потерялась в системе».

Пабло часто говорит о метафорических системах и машинах, а еще о верхах. Иногда он совмещает, например: «Именно этого верхи и хотят: поймать нас в ловушку корпоративной системы». Они познакомились во время учебы. Пабло выпустился на год раньше Миранды, и сперва его дела шли настолько удачно, что она по его предложению бросила работу официантки. Пабло продал картину за десять тысяч долларов, затем еще одну, большего размера, за двадцать одну тысячу и намеревался стать новой сенсацией. Однако экспозицию отменили, и за следующий год Пабло не продал ничего, ни одной картины, поэтому Миранда подала заявку в бюро временного трудоустройства и вскоре сидела за столом у двери в кабинет Леона Преванта. «Держись, детка, – произнес Пабло тем утром, глядя, как она одевается. – Ты же знаешь, это только на время».

«Конечно», – ответила Миранда. Пабло повторял одно и то же с тех самых пор, как она связалась с бюро, но Миранда не сказала ему, что после шестой недели работы стала постоянным сотрудником. Миранда нравится Леону. Он ценит то, какая она неизменно спокойная, как он сам говорит, невозмутимая. В редкие моменты, когда Леон бывает на рабочем месте, он так ее и представляет: «А вот моя невозмутимая помощница Миранда». И она довольна этим куда больше, чем признается сама себе.

«Я продам новые картины, – сказал Пабло, раскинувшись на постели полуобнаженным. После того как Миранда вставала, он с удовольствием наслаждался освободившимся пространством. – Мне выплатят гонорар».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.